

АЛЕКСАНДР ГАЛИНОВСКИЙ

Тени Вавораша

*Мир, в котором мало надежды,
но по-прежнему много историй.*

Мир, расколотый на части
Книга 2

18+

Александр Галиновский
Тени Завораша

«Автор»

2026

Галиновский А.

Тени Завораша / А. Галиновский — «Автор», 2026

Продолжение романа "Завораш: резделение ангелов". Мир, расколотый на части. В вышине дрейфуют острова, где ангелы правят бескрылыми, а сами подчиняются иерархам, чья природа ужасает. В Завораше - городе, где светская власть противостоит духовной, - назревает смута. А между ними, в болотах Тантарона, рождается нечто новое. Сущность, слепленная из грязи, обломков механизмов и человеческой плоти, учится быть человеком. Дервиш Папст, промышлявший гаданием, крадет у путешественника флакон с эссенцией памяти - останками той самой Сущности. Выпив её, он обретает силу, открывающую путь к бессмертию. Сын номарха Спитамен становится обладателем сферы, в которой пульсирует целый мир. А модификант Рашка, чьё тело изменено, лишь подчиняется древнему инстинкту, толкающему на убийства. «Тени Завораша» - это гобелен, сотканный из судеб. В этом мире нет абсолютного зла, как нет и надежды — есть только тени, сгущающиеся по мере того, как читатель погружается в глубины этого романа-лабиринта.

© Галиновский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. В болотах Тантарона	6
Глава 1. Чтение мыслей, воплощение желаний	9
Глава 2. Гниль земли	13
Глава 3. Нужные вещи	15
Глава 4. Нет неверных поворотов	19
Глава 5. Дудочка-колосник	22
ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	25
Глава 6. За плотно затворенной дверью	34
Глава 7. Все дороги ведут в никуда	47
Глава 8. Короткие руки правосудия	52
Глава 9. Раздор внутригласия	54
Глава 10. Черная кровь ангелов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Галиновский

Тени Завораша

АЛЕКСАНДР ГАЛИНОВСКИЙ

ТЕНИ ЗАВОРАША

(роман)

(Мир, расколотый на части – 2)

Пролог. В болотах Тантарона

Как может нечто живое появиться из неживого? Никогда не существовавшее – обрести плоть; никогда не дышавшее, не открывавшее глаз – внезапно затрепетать, вдохнуть воздух, распахнуть веки? Может ли искра жизни зародиться сама по себе?

То, что пока не имело названия, не случайно возникло в болотах Тантарона. Именно здесь в толще донного ила десятки лет лежали детали механизмов и вооружений, части снаряжения, старые кости. Используя все это как строительный материал, новая Сущность постепенно обретала форму. Каждое мгновение, каждую минуту она видоизменялась.

Поначалу новое *нечто* кормилось тем, что смогло обнаружить в воде и на дне. В пищу шли также растения: несколько грибов, лишайник и пара оказавшихся неподалеку мешкодрев. Эти странные плавучие деревья удерживались на поверхности воды с помощью наполненных газом мешков, и с их же помощью перемещались. Некоторые из мешкодрев достигали в высоту четырех саженей и продолжали расти вширь, пока с грохотом не лопались: плавучий мешок взрывался, и тысячи наполнявших его семян разлетались в стороны.

Первым крупным живым организмом, который поглотила Сущность, был сборщик тростникового сока по имени Мельпомен. Большинство тканей его тела пошло на то, чтобы сформировать человекоподобный облик *нечто*.

Вобрав в себя ткани несчастного, Сущность и в дальнейшем не брезговала плотью. Вместе с человеческими останками она охотно поглотила труп молоха, а затем то, что смогла найти под водой и в густом донном иле.

Улов был небогатым - несколько водомерок и часть млекопитающего, погибшего слишком давно. И все же Сущность ни от чего не отказывалась.

Чем больше она вбирала в себя различных видов животных и растений, тем больше узнавала мир вокруг. Ведь пища нужна была ей не только для восполнения массы, но и как источник информации.

От Мельпомена, например, сохранились знания об окружающем мире, хотя почти все они были примитивными и отрывочными. Информации от летающего падальщика было и того меньше. Все, что тварь знала – это то, как отыскать в болотах кусок мертвечины покрупнее. Другие организмы и растения были не в счет - слишком крохотные, чересчур примитивные.

Трудно сказать, чего в Сущности было больше - живого или неживого. Возможно, и того и другого поровну, учитывая, что первоосновой для нового тела стала именно та бесформенная и непостоянная материя, что Мельпомен наблюдал в последние мгновения своей жизни. По сути, контакт с нею и стоил ему жизни... Так что получалось, что Мельпомен убил сам себя будучи одновременно в двух разных обликах.

Подобное могло свести с ума кого угодно, но только не новоявленное «нечто», шаг за шагом преодолевавшее болота Тантарона.

В какой-то момент ей повстречался такой же сборщик сока, каким (при жизни, разумеется), был сам Мельпомен. Увидев перед собой несуразное, скособоченное, горбатое существо с уродливо болтающимся языком, и свешивающимися по одну сторону головы редкими волосами, что неприятно напоминали пучки шерсти, росшие на крыльях молохов, этот человек ринулся в атаку. Очевидно, что кто-то настолько жуткий тянул беспальные руки ему навстречу вовсе не для того, чтобы поприветствовать собрата по ремеслу. И сборщик понял это. Точно так же, как и у Мельпомена, с собой у него был нож, а кроме того - длинная палка, на которую он опирался.

Нередко сборщиков сока просто обворовывали. Свои же сородичи - такие же обитатели болот, но менее удачливые (или более ленивые), ведь процесс заполнения фляги был делом отнюдь не легким. Существовали целые банды разбойников, регулярно требовавшие долю с

каждого сборщика. У тех, кто отказывался делиться, забирали все, включая нож и флягу, а в отдельных случаях - и жизнь.

Однажды и этот сборщик стал жертвой таких разбойников. Именно поэтому на конце палки имелся острый камень, примотанный веревкой. Сражаться таким оружием было непросто, однако узловатое и немного кривое дерево было крепким, а наконечник самодельного «копья» не уступал в прочности металлу. После нескольких походов в топи сборщик научился как следует управляться с оружием, и даже пробовал охотиться с ним на мелкую живность. Получалось не очень хорошо, зато ладонь привыкала к древку, а вся рука - к тяжести оружия. Несомненным плюсом такого оружия было то, что оно всегда находилось под рукой – в буквальном смысле. А еще им можно было колоть, резать и бить наотмашь, отсекая не просто куски плоти, а целые части тела.

Стоило Сущности приблизиться, и сборщик выдернул оружие из воды. Древко было черным от покрывавшей его болотной жижи, каменное острие же, напротив, грозно поблескивало. В мгновение ока оружие оказалось нацелено на существо, которое продолжало настойчиво хлюпать по жиже в сторону человека. Здесь открылась первая странность: сборщик стоял на ходулях, что были погружены в пучину больше чем на половину. Это значило, что под ним еще целая сажень грязи, воды, ила. В то же время неведомая тварь как будто шла на своих двоих... Время от времени она поднимала то одну, то другую ногу, выгибая ее под острым углом таким образом, что колено оказывалось над головой... Так перемещались по поверхности болота водомерки, и сборщик сока поймал себя на мысли, что не может оторвать от уродца взгляда...

Прямо на его глазах *нечто* выпростало еще одну ногу, затем еще одну. Теперь оно было похоже на самое настоящее насекомое - нечто на четырех лапах, снабженное наполовину человеческим туловищем. Наполовину - поскольку другая его часть была телом молоха с вплетенными в него корнями, ветвями мешкодрева и бог знает, чем еще... Это была тварь из худших кошмаров, тварь, что не имела права на существование. И все же она жила, двигалась и, кажется, собиралась вот-вот пообедать безымянным сборщиком сока. Чтобы не давать противнику преимущества, человек издал воинственный крик и ринулся в атаку первым. На ходулях сделать это было не так просто, однако длина импровизированного копья компенсировала недостаток маневренности. И сборщик сока ткнул чудовищное «нечто» копьем.

Место он выбрал почти верно – это было голова твари, там, где заканчивались жуткие человеческие черты и черты падальщика, и начинались корни дерева. Острие и часть древка погрузились внутрь без малейшего сопротивления. Это не остановило движение существа. Оно продолжало наступать, высоко поднимая ноги, словно водомерка. Еще мгновение - и оно окажется рядом. Недолго думая, человек выдернул копье и ударил снова - на этот раз наотмашь. Камень и в самом деле оказался необычайно острым: чудовищу снесло часть кожи и волос с головы, оставив на месте уха ровный срез. Однако и это не остановило существо. Человек попытался нанести еще удар, однако места для размаха не было, и он вновь ткнул то место, казавшееся ему наиболее уязвимым - в переплетение ветвей и разлагающегося мяса в самом центре туловища. Удар вышел слабым, но даже он почти не встретил никакого сопротивления... Поначалу. А затем, когда человек попытался выдернуть копье для нового удара, что-то схватило древко изнутри.

Сборщик видел длинные блестящие усики, которые обвилились вокруг древка в мгновение ока. А в следующее мгновение некая сила, многократно превосходящая человеческую, рванула копье на себя. Не устояв на ходулях, человек полетел напрямик в объятия чудовища.

В этот момент в груди у существа неожиданно распахнулась полная острых клыков пасть. Клыков было двенадцать пар, по числу ребер, и на долю мгновения человек подумал, что каким-то образом его удары возымели действие и монстр «лопнул» изнутри. К тому времени в чудовищной пасти стремительно исчезло древко копья, а следом погрузились и руки несчаст-

ного. Зубы сомкнулись, разрывая плоть, кромсая кости. Человек закричал, и молохи, носящиеся высоко в небесах, принялись верещать в ответ. Крик продлился недолго.

В итоге Сущность поглотила и его, впитав без остатка. Теперь она больше походила на человека: за счет новой жертвы ей удалось не только нарастить плоть, но и укрепить кости, которые до этого были тонкими и хрупкими.

Падальщики высоко в небе принялись пронзительно жаловаться: рухнули их надежды заполучить свою долю мертвечины. Теперь Сущность двигалась дальше. Но что-то осталось на поверхности болота. Некая ее часть, не органическая, но и не механическая. Внешне она была похожа на сферу, или яйцо или ненормально большую икринку, а внутри вращался и жил своей жизнью целый мир.

Глава 1. Чтение мыслей, воплощение желаний

«Чтение мыслей, воплощение желаний».

Если броская надпись и поражала воображение, то лишь грубым исполнением, хотя найти настолько же неказистую вывеску в округе было нетрудно: рынок и прилегающая к нему территория буквально пестрели крикливыми воззваниями: на дереве, на бумаге, на ткани и даже на живой плоти: среди публики расхаживала пара полуголых силачей, на спинах которых были начертаны надписи, предлагавшие любому желающему померяться силами в борьбе на руках, пальцах или в состязании пощечин.

У любого, кто подходил к вывеске и читал написанное, желание испытывать на себе обещанное *«воплощение желаний»* тут же пропадало. Как пропадало оно у всякого, кто видел самого автора заявления. Тот сидел на голой земле, в центре круга, что сам же и начертил концом своего посоха.

Ни внешность, ни лицо человека – темное и сморщенное, не вызывали доверия, и посетители рынка проходили мимо. Многие даже не смотрели в его сторону... А вывеска тем временем покачивалась и скрипела на ветру: *«Чтение мыслей, воплощение желаний»* ...

- Что, и в самом деле читаешь мысли?

Папст поднял голову. За последние несколько часов это был первый человек, осмелившийся подойти достаточно близко.

Дервиш разглядывал посетителя. Тот был определенно неместным – как и сам Папст. Что-то в нем выдавало далеко не провинциального жителя, возможно, обитателя столицы. Только вот он не был ни фатом, ни неженкой, как часто говорили о заворашцах здесь, на окраине. Суровое лицо обрамляла давнишняя щетина, а внимательные глаза глубоко запали в темные провалы над орлиным носом.

- Так что по поводу чтения мыслей?

Папст кивнул.

- Понемногу. Всего понемногу, мой господин.

- И исполнение желаний?

- И это тоже.

- Во-о-о-о-т оно что, – человек придвинулся к Папсту.

Движение вышло незаметным, словно в поединке подступил опытный фехтовальщик. И вот уже мгновение спустя острие шпаги тычется Папсту под кадык... Конечно, никакой шпаги не существовало, а единственное, что Папст ощутил – это исходящий от незнакомца запах алкоголя.

– Желания! Похоже, у тебя что-то не очень получается исполнить свои собственные, так? Иначе ты имел бы собственную лавку, а не сидел в пыли на улице.

Папст пожал плечами.

- Возможно.

Человек достал из кармана крохотную бутылочку. Внутри под стеклом колебалась и переливалась полупрозрачная жидкость, на стекле не было надписей, а горлышко закрывала деревянная пробка, для верности облитая воском.

- Знаешь, что это?

Папст покачал головой, хотя на самом деле однажды он уже видел такие бутылочки – очень давно и не в здешних краях.

Эссенция памяти. Та, что кураторы добывают из тел мертвецов.

Годится любая телесная жидкость, но лучшая всего подойдет кровь. Сначала практики выкачивают оню из тела несчастного, затем алхимики крови – кураторы – осуществляют

превращение. Это называется Процессом. Эссенция становится хранилищем воспоминаний усопшего...

Человек спрятал бутылочку в карман.

- Можешь заглядывать в разум, как они?

Папст покачал головой.

- Тогда от этого никакой пользы. Вот, купи себе выпить.

Он достал из кармана мелкую монетку и швырнул ее на землю перед Папстом. Серебристый кругляш сверкнул на солнце, прежде чем шлепнуться в грязь. Даже с такого расстояния было видно: монета оказалась заворашская, самого низкого номинала. На такую не купишь даже кусок черствого хлеба... Жаль, а ведь Папст надеялся на ахеронский полулунник или даже лунник...

- Я ведь не милостыней промышляю, господин..., – пробормотал Папст, но человек был уже далеко, шагал чуть нетвердой походкой мимо торговых рядов. Глядя ему в спину, Папст думал, что ему до смерти хочется добраться до заветной бутылочки и ощутить, каково это: быть кем-то другим.

В конце концов вывеска («Чтение мыслей, воплощение желаний»), отправилась в мешок, который дервиш закинул за плечи. На город опускались сумерки, рынок пустел. Его последней добычей стало несколько монет, вырученных с пары пьяных матросов, поспоривших о том, можно ли угадать будущее человека... по его прошлому. Папст не совсем понял, но, кажется, смысл заключался в том, что чем больше ты знаешь о человеке, тем более предсказуемыми становятся его поступки, а значит и он сам. Что ж, что-то в этом было. Надо признаться, он и сам прибежал к подобному методу, когда его дар, к слову сказать, очень слабый, отказывался работать.

В результате около получаса он занимался тем, что угадывал подробности жизни обоих моряков. Угадывал довольно точно, к бурной радости обоих.

В итоге заработанных денег хватило на ужин и сухой угол в месте, гордо именуемом *постоялым двором*, где торговцы останавливались на время ярмарки.

Там на глаза ему вновь попался тот человек, что недавно демонстрировал бутылочку с эссенцией. Он мирно спал в противоположном углу.

Некоторое время Папст лежал без сна, не в силах уснуть под храп множества голосов. Здесь собрались купцы, ремесленники и мастеровые, приехавшие в город на несколько дней для участия в ярмарке, а также те, кто по разным причинам не захотел (или не смог) отправиться домой.

Раз или два Папст видел, как посетители, едва сдерживая позывы к рвоте, судорожно проталкивались к выходу (все же это было приличное заведение, в других не стеснялись и блевали друг на друга), попутно топча своих соседей. Поэтому, когда очередной «сосед» принялся перебираться через него, пытаясь добраться до выхода на улицу, он даже не пошевелился.

Позже какой-то пьянчуга с кряхтением и стонами пытался точно так же перелезть через тело владельца бутылочки. Несколько мгновений дервишу казалось, что человек вот-вот проснется, но этого не произошло. Возможно, подумал Папст, после их разговора на рынке, и так будучи изрядно выпившим, он направился куда-нибудь, чтобы продолжить веселье...

В этот момент Папст понял, что все это время его не покидали мысли о предмете, которым владел тот человек. О таинственной бутылочке, вмещающей чьи-то воспоминания, а возможно, и чью-то жизнь целиком.

Наконец нарушитель спокойствия преодолел всевозможные препятствия в виде спящих людей, вещей, колонн и прочего, и выбрался наружу. Из-за двери донеслись характерные звуки.

Папст привстал на своем импровизированном ложе. До противоположного конца зала было несколько десятков саженей, и это расстояние еще нужно было преодолеть. Пока в голове у него не было четкого плана действий, разве что...

Он оглянулся, ожидая увидеть, как тот тип возвращается, но в дверном проеме было пусто.

Хорошо.

Папст поднялся в полный рост. Посох он прислонил к стене, убедившись, что тот не соскользнет и не упадет спящему соседу на голову.

Невзирая на то, что в воздухе витал неповторимый аромат смеси разных алкогольных напитков, пьяны в округе были далеко не все. А это значило, что передвигаться нужно было чрезвычайно осторожно, стараясь не разбудить тех, кто спал особенно чутко.

Люди в подобных заведениях лежали на собственных вещах. И этот двор не был исключением. Кроме того, не существовало строго отведенных спальных мест, каждый устраивался, где ему удобно. Наилучшие места, разумеется, были у стен, где из постеленной на пол соломы можно было соорудить что-то наподобие подушки. Тропок между спальными местами и вовсе не существовало: спящих людей приходилось переступать, каждую минуту рискуя наступить кому-нибудь на вытянутую ногу, руку или еще что-нибудь.

Преодолев таким образом половину пути, Папст остановился и прислушался.

Звуков снаружи больше не доносилось. Однако несколько мгновений назад раздался шум, который вполне можно было принять за грохот падения. Не нужно было обладать особой фантазией, чтобы представить, как несчастный пьяница рухнул прямо у входа, не выстояв в борьбе с похмельем. В любом случае он больше не являлся помехой для того, что Папст планировал совершить.

Кражу. Он планировал кражу.

Осознание этого не смутило его, а наоборот, придало сил. В конце концов незнакомец наверняка и сам завладел бутылочкой далеко не честным путем.

Один из спящих людей неожиданно застонал во сне и попытался перевернуться на другой бок. Папст так и застыл над ним с поднятой ногой и бешено колотящимся сердцем. Человек что-то пробормотал с закрытыми глазами, довольно причмокнул и вновь погрузился в сон. Папст осторожно поставил ногу по другую сторону.

Когда ему оставалось сделать пять-шесть шагов, то есть преодолеть три сажени, снаружи пьяный голос затянул песню. Папст даже зажмурился, представив, как орущий по чем зря пьянчужка вваливается в зал и будит всех...

Однако удача все-таки была на его стороне. Спустя несколько ударов сердца он сумел добраться до человека в углу.

Только сейчас Папст понял, что самое трудное впереди. А именно – вытащить бутылочку так, чтобы человек ничего не почувствовал. И он принялся обшаривать одежду спящего. Сам он положил бы настолько ценную вещь в один из внутренних карманов, однако у незнакомца они отсутствовали. Оставался один из нагрудных карманов или тех крохотных вместительниц по обеим сторонам жилета, куда обычно кладут всякую всячину. Помнится, из одного из таких карманов незнакомец доставал мелкую монетку, которую бросил Папсту.

Папст обыскал их все, стараясь действовать как можно осторожнее, но кроме пары спичек и скрученной полоски серы ничего не обнаружил.

Оставались немногочисленные пожитки незнакомца.

На них он вполне мог бы спать, просто подложив особенно ценные вещи под голову, как это делали все в подобных заведениях. Тогда Папсту ни за что не удалось бы достать пузырек, не потревожив сон человека...

Но похоже, сегодня удача решила оставаться на его стороне до самого конца, поскольку оказалось, что человек спал не на вещах, а прямо на полу. Очевидно, выпитый алкоголь свалил его с ног раньше, чем он успел как следует устроиться.

И тут Папст испугался второй раз за вечер: а вдруг его *уже* обчистили? Вдруг все, что было у незнакомца, включая бутылочку с чудесной эссенцией, давно перекочевало в чей-то карман? В таком случае Папст никогда не узнает, в чей именно... Даже если вор будет рядом, в одном с ним зале. С тем же успехом склянка могла бы находиться за морем или на одном из небесных островов.

Папст быстро осмотрел вещи незнакомца. Большинство из них были грязными, старыми и потрепанными, как и сумка, в которой он носил свои пожитки. Та выглядела не просто видавшей виды, а буквально сшитой из лоскутов, столько на ней было прорех и закрывающих их заплат. Если человек положил склянку в эту сумку, он был куда большим глупцом, чем казался на первый взгляд. *Или нет?*

Внезапно пальцы Папста наткнулись на вожделенный пузырек.

Он выдернул руку из сумки и не разжимая пальцев, сунул находку за пазуху. Теперь предстояло вернуться назад, на этот раз за собственными вещами. Папст не собирался задерживаться здесь на остаток ночи.

Обратный путь занял у него гораздо меньше времени.

Пара ударов сердца на то, чтобы подхватить мешок с вещами и табличкой («*Чтение мыслей, воплощение желаний*»), взять посох – и в путь. Перешагнув последнего постояльца, Папст обернулся: зал был погружен в сон. Спал и ни о чем не подозревающий незнакомец.

Выходя за порог, дервиш обернулся. Говорят, плохая примета. Как будто тащишь за собой прошлое со всеми его ошибками и неудачами.

Отойдя от постоялого двора на пятьдесят шагов и предварительно убедившись, что его никто не видит, Папст зашвырнул табличку в один из переулков, где она шлепнулась в грязную лужу среди мусора и крысиного помета. Дальше он шел уже налегке, бодро переставляя посох и улыбаясь самому себе и миру вокруг.

Глава 2. Гниль земли

Позже это назвали Разрушением. Различные аппараты, устройства и просто механические приспособления выходили из строя, ломались и тихо испускали дух, иногда захватив за компанию своих обладателей.

Первоначально никто не понял размеров катастрофы. Рухнул дирижабль, сошел с рельсов поезд. Более мелкие происшествия и вовсе остались незамеченными. Кому интересно, что в одной из фабрик заклинило систему очистки воды и все содержимое отстойников хлынуло в реку? О таком не напишут в газетах. А тем временем большая часть рыбы в этой реке погибла, а та, которой посчастливилось уцелеть, угодила на столы к местным жителям...

Все это Энсадум поведал ангелу. Он не особенно хотел рассказывать сам – предпочел бы слушать крылатого: о жизни на небесных островах, о полетах и прочем, но ангел был настойчив. И ангел умирал.

Энсадум как мог, промыл его раны вытопленной из снега водой, а затем перевязал их, используя полосы ткани, оторванные от постельного белья. Кровотечение прекратилось, однако ангел был слишком слаб. Настолько, что едва мог говорить.

Иногда ангел впадал в беспамятство и тогда Энсадум подолгу сидел, обдумывая его слова. То, о чем говорил крылатый, было совсем не таким, как он ожидал. Временами крылатый, которого звали Тисонга, принимался расспрашивать Энсадума о «нижней земле».

Энсадум отвечал, но некоторые вопросы ставили его в тупик. Например, однажды ангел спросил, действительно ли на земле живут только бескрылые. Кажется, ответ его удивил.

Впрочем, кое о чем Энсадум умолчал. Например, каким был род его занятий. Было бы сложно объяснить ангелу, зачем он собирал кровь умерших, и кто такие кураторы.

Находясь в бреду, Тисонга повторял одно и то же слово: «кенобия». Энсадум догадался, что это было имя. Возможно, на островах в небе у ангела остался кто-то близкий; кто-то, кого он любил и кому доверял... А еще, без сомнения, там остались те, кто хотел и мог причинить ему боль.

Веревка, которой крылатого привязали, впилась в его плоть глубоко, почти до самой кости. Энсадуму удалось извлечь грубый материал из плоти, но инструментов, которыми можно было бы зашить рану, у него не было. Вместо этого он перетянул порезы тканью, надеясь, что заражения не случится.

Энсадум чувствовал, что погружается в апатию, в смертельную тоску. Наверняка что-то подобное испытывали и те, кто погибал в лютый холод на морозе: постепенно приходит сонливость, сознание освобождается от любых мыслей, а в теле начинает ощущаться небывалая легкость. На следующий день, проснувшись рядом с ангелом, Энсадум едва смог заставить себя вытянуть задубевшие ноги и подняться. От голода сводило желудок, во рту стоял привкус мазута и ржавчины: весь день до этого он пил воду, вытопленную из снега.

Ангел был мертв.

Его кожа, при жизни светлая до белизны, приобрела пепельный оттенок. Глаза были закрыты.

Смерть – похититель всего. Так говорила его мать.

Энсадум всмотрелся в ангельские черты. Что похитили у этого смертного? Душу? Для любого последователя Всевоплощенного само утверждение, что у ангелов есть душа, было сродни ереси.

Тогда что?

Энсадум вышел из комнаты, добрался до лестницы. Здесь, на шатких досках пола он ощущал себя словно на краю скалы. Перилл не было. Внизу виднелся угол второго этажа и темные провалы комнат. На мгновение ему показалось, будто он, как и множество лет назад,

смотрит на комнату Завии, откуда вот-вот покажется практик в темных одеяниях. Не показался. Весь этаж, как и дом целиком, был давно мертв.

Энсадум спустился по скрипучей лестнице на первый этаж, затем некоторое время искал вход в подвал.

Попутно наткнулся еще на одну комнату, заваленную мусором. В другой комнате кто-то разжигал костер. Стены здесь почернели; в центре на полу виднелся выгоревший круг. Третья пустовала. За окнами вновь бушевала непогода: дождь вперемешку со снегом. Энсадум в очередной раз порадовался, что у него есть укрытие.

Наконец вход в подвал нашелся. Это было темное пыльное помещение с настолько низким потолком, что Энсадума практически мгновенно одолело чувство клаустрофобии. Как будто он раз за разом спускался все ниже в глубины ада, а теперь оказался на самом его дне.

Двери не было. Света, попадавшего снаружи, вполне хватало, чтобы разглядеть груды хлама. На грязном полу был сваленный в кучу мусор, обломки мебели, старая одежда, обувь...

Сложнее всего оказалось отыскать подходящую емкость. В конце концов в дальнем углу одной из покрытых пылью полок он обнаружил стеклянную банку.

Покинув подвал и выйдя из дома, Энсадум набрал пригоршню грязного снега и некоторое время тер мутное стекло. Идеально оттереть было невозможно, однако он смог придать посудине чуть более пристойный вид. В качестве скальпеля пришлось использовать кусок стекла. Об игле и насосе Энсадум и мечтать не мог.

Поднявшись на верхний этаж, он не стал сразу входить в спальню, а некоторое время стоял, прислонившись лбом к дверному косяку и слушал биение собственного сердца. Внезапно до его слуха донесся некий звук. Практик мгновенно отпрянул от двери, прислушиваясь.

На короткий миг ему показалось, что ангел может быть жив ...

Нет. Этого просто не могло быть. Всего лишь ветер швырнул в окно горсть снега. Энсадум ступил в комнату. В одной его руке была пустая банка, в другой – осколок стекла. Обычная работа практика, если разобраться.

Да, обычная работа... *Похитителя всего.*

Глава 3. Нужные вещи

Письмо принес гонец номарха. Поначалу визитер отказывался отдать послание в руки младших послушников, затем отказал нескольким священникам. При этом он стоял на своем: что обязан вручить конверт клирику лично, таков приказ.

Еще до того, как распечатать конверт, Ноктавидант знал, *что* увидит. Внутри обнаружился лист бумаги, сложенный вдвое. Тонкими литерами (возможно, рукой самого номарха, но скорее всего, одного из его многочисленных секретарей), был выведен довольно обширный текст. Если коротко, то это было приглашение посетить резиденцию номарха здесь, в городе. Тон послания не оставлял сомнений: ему велено явиться. Внизу после учтивых фраз и необходимых любезностей был указан день и час, когда номарх будет располагать временем.

Формально представитель светской власти не мог указывать служителю церкви одного с Ноктавидантом ранга или выше, но на сей раз клирик предпочел не обращать на это внимания. У него до сих пор раскалывалась голова, а свалившиеся как снег на голову обязанности не делали жизнь легче.

Стоило ли Ноктавиданту опасаться?

Конечно. Прежде чем возвысить кого-то, номарх пожелает убедиться в его лояльности. Безусловно, его будут пристально изучать, попутно примеряясь к тому, какую дать цену. Сам Ноктавидант полагал, что не годится на роль принципала, но тут же признавался себе, что получить подобное назначение было бы весьма... соблазнительно.

Неизвестно зачем, Ноктавидант вновь поднялся в покои принципала. Комната, где он последний раз виделся с принципалом, выгорела дотла. Внутри не осталось ничего, включая стену, смотрящую во внутренний двор. Ее будто никогда и не существовало, и сейчас обугленные половицы смотрели прямо в пустоту на высоте трех этажей.

По другую сторону располагалась спальня принципала. Разделявший покои коридор практически не пострадал. Сохранились даже многочисленные полотна, украшавшие стены по эту сторону; у одного-двух лишь слегка обгорели рамы. На одном из них Ноктавидант разглядел нечто, напоминающее багровый лес: острые стволы деревьев без ветвей торчали из пологей на плоть серой земли. Наверняка в будущем стоило подумать о том, чтобы убрать все эти картины куда-нибудь подальше...

В спальне принципала витал странный запах. Не только запах гари, но и другой – необычный химический аромат. Ноктавидант распахнул дверь шире и здесь его ждала новая порция удивления. Комната оказалась совсем не такой, какой он ее себе воображал. На самом деле апартаменты иерарха располагались гораздо дальше – совсем в другом крыле дворца. Однако в последние годы принципал растолстел настолько, что передвижение по лестницам, и даже в пределах дворца, стало для него слишком сложным. Поэтому спальню было решено временно перенести ближе к покоям, где он работал и принимал посетителей.

Когда-то здесь располагался архив. От прежней мебели остался стол и шкаф, напоминающий картотеку. Удивительно, но кто-то умудрился вместить сюда кровать с балдахином. На деревянных половицах по-прежнему виднелись царапины от ножек. Света не хватало. Кажется, эта комната никогда не имела окон.

Но даже в полумраке Ноктавидант разглядел брошенный на пол балахон. Это была точно такая же накидка, которую носил куратор. Ноктавидант наклонился, чтобы поднять накидку, немного помедлил, затем осторожно коснулся ткани кончиками пальцев. Ничего не произошло. Ткань была самой обычной.

Хмыкнув, клирик сгреб балахон. Одежка оказалась гораздо тяжелее, чем он предполагал. Ткань была плотной будто доспех. Такой балахон в одинаковой мере мог защитить и от жгучего

заворашского солнца, и от любой непогоды. Капюшон был достаточно глубоким, чтобы тень от него полностью скрывала лицо.

Если подумать, кто носит подобную одежду? Нищие, странники, священнослужители. Хромой старик в балахоне не вызовет подозрения, как и нищий в низко надвинутом колпаке, устроившийся просить милостыню у дверей храма.

Ноктавидант поднес накидку к лицу и осторожно втянул воздух. В нос ударил странный запах; его клирик уже ощущал до этого.

Ноктавидант отшвырнул накидку на кровать и огляделся.

Каким образом сюда попала одежда куратора? Неужели он проник в спальню только за тем, чтобы сбросить балахон? И дальше – что? Продолжил путь в какой-то другой одежде, под другой личиной? Кем он представился на этот раз?

Внезапно Ноктавидант поймал в зеркале собственное отражение. На нем было одеяние клирика. Не то, грязное и порванное во многих местах тряпье, в котором он проделал весь свой бесславный путь по катакомбам, а другое. Теперь Ноктавидант обрел свой обычный вид, хотя и выглядел по-прежнему уставшим. В ванной, где он провел несколько часов, вода стала бурой от грязи и крови.

И в этот момент ему в голову пришла мысль: *не имеет значения, кем прикинулся клирик, гораздо важнее то, что для переодевания ему понадобилось зеркало.*

Это объясняло, почему было необходимо идти в спальню принципала вместо того, чтобы избавиться от одеяния где угодно. Значит, внешний вид в маскировке все же имел значение. Кем куратор обернулся на этот раз? Клириком, как сам Ноктавидант?

Он вновь взглянул на себя в зеркало. Его одеяние не представляло собой ничего особенного, за исключением перевязи на поясе – белого кушака, расшитого золотыми нитями. Такие носили все клирики, и в гардеробе самого Ноктавиданта их было несколько.

Значит, куратор мог переодеться кем угодно, например, использовать что-то из гардероба принципала. Разумеется, ни Ноктавидант, ни кто-либо еще никогда не узнает, что именно это было, поэтому не было никакого смысла в том, чтобы обыскивать вещи в спальне. Однако Ноктавидант все же подошел к шкафу.

Некоторое время он медлил, прежде чем взяться за ручку и распахнуть дверь. Что-то останавливало его. Все это было неправильно: ведь он стоял в спальне принципала, и, кажется, был готов заглянуть в шкаф с его личными вещами. Никогда еще он не позволял себе настолько грубого вторжения в чью-то жизнь. Даже на рынке, среди корзин с рыбой, где он вынужден был проводить ночи, имелись занавески, отделявшие одну своеобразную комнатку от других. Да и вещей ни у него, ни у других мальчишек особенно не было. Сейчас же он, по всей видимости, собирался изучить содержимое гардероба важнейшего духовного лица в городе. Что он там найдет? Пару шелковых панталон?

Однако не это останавливало его. Вернее, *не только* это.

Было что-то еще, не дававшее Ноктавиданту потянуть за ручку шкафа. Как тогда, в крипте – он на мгновение почувствовал рядом чье-то присутствие. В комнате он явно был не один.

Клирик быстро оглянулся: дверной проем за его спиной был пуст. Да и вряд ли что-то могло передвигаться бесшумно по мусору, устилавшему пол в коридоре. Затем он бросил взгляд на кровать. Мог ли кто-то прятаться под нею? И наконец, шкаф...

Почему-то он привлек внимание Ноктавиданта в последнюю очередь.

Его рука все еще тянулась к дверной ручке...

И вдруг дверь распахнулась, больно ударив его. Ноктавиданта отбросило назад, и он растянулся на кровати. Ножки подломились, и клирик вместе с остатками дерева рухнул на пол. При этом он умудрился запутаться в перинах, щедро укрывавших ложе принципала. Часть из

них опутала его руку, не давая возможности защититься, другая оказалась сверху. Ноктавидант ощутил, как на лицо падает тонкая, но прочная шелковая материя.

Некая тень метнулась к нему из шкафа. Ноктавиданту не требовалось много времени, чтобы понять, кто перед ним, а вид капюшона, все еще надвинутого низко на голову куратора, только подтвердил это предположение.

Ноктавиданта словно ударило в грудь стальным тараном. Ребра затрещали, желудок рванулся вверх, самому к горлу. Дыхание перехватило. Мысли улетучились из головы, словно никогда и не было, а их место заняли инстинкты: защититься, выжить любой ценой.

Ноктавидант нечасто дрался. Даже в детстве, до того, как стать послушником. Он чаще получал тумаки от Бабалона и ему подобных, но никогда не отвечал на них. Да и пробовать не стоило. Обычно все заканчивалось в том самом ящике, где Бабалон держал провинившихся детей. Было неслыханным делом, чтобы кто-нибудь дал старому извергу сдачи.

Он попытался вырваться, но не тут-то было. Противник прижал его к полу, и остатки кровати больно впились клирику в спину. К тому же намотанная на лицо простынь не только мешала разглядеть недруга, но и не давала как следует втянуть воздух. Воспользовавшись этим преимуществом, противник схватил край материи и обернул голову Ноктавиданта повторно.

Теперь он видел лишь смутный силуэт, тень тени, темное пятно на фоне абсолютно чернильной пустоты.

Внезапно Ноктавидант ощутил не разбитое дерево кровати и не скомканные простыни, а сырость и холодную, податливую землю. Противник больше не сопел ему в лицо. Вместо этого клирик услышал басовитый рокот, словно кто-то скреб камнем о камень. Темного силуэта перед собой он тоже не видел. Вместо него над головой висело небо без малейших признаков светила. На самом деле даже не было понятно, какое сейчас время дня. Возможно, подумал Ноктавидант, из-за застилающих небо темных облаков.... Нет, не облаков. Это были клубы дыма, настолько темного, что он напоминал разбросанные в вышине куски грязной ветоши. Изредка их озаряли вспышки света: красные, зеленые. Зрелище было зловещим. Неужели все это происходило на самом деле? А затем вдруг окружающий рокот многократно усилился, и небо заслонило нечто большое. Ноктавидант видел над собой ровную металлическую поверхность, покрытую грязью и исцарапанную так, словно по ней прошли когти гигантского зверя. Лишь спустя мгновение он понял, что все еще лежит, а сверху над ним нависает гигантский механизм.

Ноктавидант увидел лязгающие гусеницы, ощутил смрад выхлопных газов; а еще почувствовал запах разгоряченного металла, грязи и крови, ведь последнее время эти гусеницы только и делали, что перемалывали разбросанные тут и там части человеческих тел.

Ноктавидант попытался бежать, спрятаться, но не мог этого сделать. Не мог даже пошевелиться. А монстр сверху все грохотал и грохотал...

Ноктавидант чувствовал, как сверху что-то давит и постепенно это давление становится все ощутимее. А может, это ослабевало его собственное сопротивление?

Удар, который он нанес коленом, может и был несильным, однако пришелся куда надо. Противник взвыл, и хватка его пальцев мгновенно ослабла. Ноктавидант воспользовался шансом, поддел его скрещенные руки и вывернул наружу, тем самым освобождаясь от захвата.

Да, он совсем не умел драться. Но и нападавший, похоже, тоже. Иначе зачем ему прибегать к иллюзиям?

Ноктавидант не знал, каким именно образом кураторы посылают видения, но испытал их действие на собственном опыте некоторое время назад. Это произошло в покоях принцепала недалеко отсюда, в той самой комнате, от которой сейчас ничего не осталось. Теперь Ноктавидант догадывался, что принцепал стал жертвой одного из таких видений. Наверняка в какой-то момент ему показалось, что позади него комната объята огнем и единственный способ спа-

стись – бежать через окно. Ноктавидант вспоминал, как сам еще недавно взбирался на злощастный подоконник.

Нападающий ударил его в лицо, затем нанес быстрый и резкий тычок обутой ступней в колено. От этого удара внутри колена что-то хрустнуло. Нога подломилась, и Ноктавидант вновь оказался на полу. Боль была нестерпимой. В это время за дверью послышались голоса. Недолго думая, куратор пнул его еще раз, распахнул дверь и выбежал из комнаты.

«Эй, куда?». «Стой!»

Ноктавидант слышал крики словно сквозь толщу воды. Казалось, они доносились откуда-то издалека.

А затем чьи-то руки подняли его, поставили на ноги, отряхнули.

Перед глазами замелькали незнакомые лица. В части из них Ноктавидант смутно опознал слуг. Почти все они путались в том, куда бежал незваный гость, а двое после того, как Ноктавидант схватил одного за воротник и хорошенько встряхнул, принялись сбивчиво лепетать, что нападавший якобы растворился в воздухе.

Разумеется, ничего другого услышать он и не ожидал. Наверняка кто-то из батраков распустил слух, что поблизости бродит куратор.

Кураторов боялись. Одно их имя вызывало ужас у тех, кто толком не знал, чем именно занимаются алхимики крови. Некоторые считали их кем-то вроде вампиров, а всех ахеронцев – вырожденками. В большинстве своем никто из жителей Завораша никогда не встречал живого куратора. Воображение простого люда рисовало их с крыльями за спиной, способными растворяться в воздухе, ходить по стенам словно ящерица-геккон, и никто не удосуживался задать себе вопрос, как вообще занятие алхимиков крови соотносится с подобными «умениями». Ведь в конце концов даже кровь для них собирали практики.

Разумеется, куратор не становился невидимым, не растворялся в воздухе и тому подобное. Скорее всего, скрыться в тених ему помогала темная одежда, а бесформенная накидка и капюшон позволяли превратить человеческую фигуру во что угодно. Прильни куратор к одной из слабо освещенных стен или спрячься в темном углу, и люди будут проходить мимо, не подозревая о постороннем за своей спиной.

Растолкав слуг, Ноктавидант наконец выбрался из комнаты. Куратор мог уйти лишь в одном направлении – дальше по коридору, поскольку с противоположной стороны зиял провал высотой в две дюжины локтей.

Растворился в воздухе? Как же! Дальше по коридору повисла непроницаемая темнота. Видимо, не нашлось никого, кто счел бы необходимым осветить эту часть. Похоже, Ноктавидант вообще был единственным, кто осмелился подняться на верхние этажи после всех разрушений.

Он – и еще куратор. Вряд ли тот прятался в шкафу в момент взрыва. Как маловероятно и то, что по каким-то причинам он провел там все время, вплоть до того, когда Ноктавидант взялся за ручку шкафа.

Оставалось одно: на протяжении нескольких часов куратор находился где-то во дворце, а как представилась возможность, вернулся в покои принципала. *Но зачем?*

Сопровождаемый осторожными протестами слуг, Ноктавидант направился дальше по коридору, однако вынужден был остановиться, замереть и даже отступить назад.

Из темноты ему навстречу выступила хорошо знакомая фигура. Слуги за его спиной дружно ахнули. Человек был абсолютно голым, и двигался как-то странно, рывками.

Ноктавидант не верил собственным глазам. Перед ними был принципал.

Собственной персоной и абсолютно живой.

Глава 4. Нет неверных поворотов

Бригадир едва успел отскочить в сторону. Земля под ним лопнула, пошла трещиной и стала уходить из-под ног. Все это сопровождалось скрежещущим звуком, который он слышал очень хорошо, несмотря на то что происходящее заняло какие-то два удара сердца. На первом он отпрыгнул в сторону, а на втором, неудачно приземлившись в грязь, увидел, как участок суши с лебедкой и стоявшими рядом бескрылыми проваливается в бездну.

Он ничего не мог с этим поделать. Никто не смог бы. Однако сейчас главным было не спасение других бескрылых. Главным было не дать ангелу улететь.

Подумать только, еще мгновение назад они тянули его обратно, накручивая на вал лебедки один сажень веревки за другим. Кто-то рядом насвистывал веселый мотивчик, кто-то предположил, что на конце веревки останутся одни косточки... И только один Бригадир молчал. Этот ангел оказался куда крепче, чем он думал. Крепче, чем его брат. На самом деле с того момента, как он толкнул Тисонгу с края обрыва, Бригадир не покидала уверенность, что он знает, как поступить дальше. И какова в этом будет роль ангела.

Теперь все могло пойти прахом... Уже пошло.

- Держите! Держите веревку – закричал Бригадир, но было поздно.

Если бы на краю и остался кто-то способный выполнить приказ, то держать было нечего: веревка вместе с лебедкой улетела в пропасть.

- Господин... - кто-то протягивал ему руку, пытаясь помочь встать, но Бригадир лишь отмахнулся... Правда, подняться на ноги самостоятельно оказалось не так просто.

Одежда бескрылого оказалась порванной во многих местах, а к уже имевшимся пятнам добавились новые. Неудавшийся помощник исчез так же неожиданно, как и появился, и на краткий миг Бригадир пожалел, что отверг помощь.

- Все целы? - спросил он, стараясь не дышать слишком глубоко: пыль еще не осела.

В ответ послышалось несколько возгласов. К счастью, в пропасть свалились не все.

- Будь... проклято... это все.

Похоже, двух обвалов за день было многовато даже для него. Они потеряли лебедку, но что хуже всего, ангелу удалось уйти.

Бригадир не сомневался, что крылатый улетел и теперь ищет убежища в Доме ремесленников сна, рассказывая тамошним «учителям», о том, что им и так известно. Проклятые лицемеры!

Бригадир выбрал надежный участок земли и осторожно заглянул за край.

Порыв холодного воздуха ударил ему в лицо. Вокруг расстилалась все та же белая пелена, что и всегда. И – ничего больше. Никаких следов того, что здесь происходило минуту назад. Бригадир знал, что пройдет совсем немного времени и происшествие забудется. Возможно, неподалеку даже появятся новые лачуги. Спустя недели и месяцы никто даже не вспомнит о погибших. К сожалению, ангелы были правы в одном: бескрылые слишком быстро забывали.

Такие люди как Бригадир и его ближайшие соратники были исключением. Сколько усилий стоило им доказать свою правоту? Иногда Бригадиру казалось, будто сама мысль, что их жизненный уклад можно считать несправедливым, не приходила бескрылым в голову. Да что там, многие принимались доказывать обратное. Все что угодно, лишь бы он и ему подобные не разрушали старого, годами формировавшегося уклада!

Бригадир знал, что до земли внизу слишком далеко, и выжить при падении практически невозможно. Что ж, оплакать погибших можно будет позже. Сейчас стоило оценить потери и двигаться дальше. Лебедка и все прочее исчезло.

Где-то внизу находилась земля, населенная бескрылыми. Бригадир знал, что смог бы с ними договориться. Рассказать, как ангелы спланировали уничтожение, поведать все от начала

и до конца. Возможно, тогда он и другие бескрылые нашли бы в жителях той земли друзей. А те, в свою очередь, не побрезговали бы принять несколько сотен переселенцев.

Он не всегда мечтал о чем-то подобном. До того, как встретить старшего из братьев-ангелов, Бригадир был лишь еще одним работягой. Много людей в его подчинении не было никогда: не больше полудюжины работников, обслуживающих погодные установки. Как и прочие бескрылые, Бригадир жил на окраине в одной из лачуг. Большую часть дня он работал, не поднимая головы, а когда ее все же случалось поднять, видел вдалеке башню Ремесленников и мелькающее над ней крохотные точки – фигурки парящих ангелов.

И все же он никогда не задумывался над тем, справедлив ли существующий порядок.

Так сложилось, потому что было правильно? Необходимо? Или же все устройство общества – такое же творение разумов, как и творения рук вокруг?

Все эти погодные установки, цепи, лачуги – все было кем-то *создано*. Но вместе с тем Бригадир был уверен, что никто не стал бы пускать в ход нерабочий механизм или использовать бракованную деталь.

Разумеется, такой «деталью» был он сам, и те из числа бескрылых, кто начинал осознавать несправедливость устройства жизни.

А спустя какое-то время другой такой «деталью» стал и один из ангелов.

- Пропали, сгнули, – произнес кто-то рядом.

Наконец Бригадир заставил себя оторвать взгляд от бездны внизу и повернулся на голос.

Говорившей была женщина с грязным, перемазанным сажей лицом. Бригадир смутно помнил ее: из тех, кто трудился на ближайшем участке цепи. Она и еще несколько других женщин занимались тем, что счищали с металла ржавчину. Работа считалась несложной, а зря – Бригадир знал, насколько тяжелыми бывают последствия. Уже сейчас кожа на руках этой женщины имела цвет ржавчины. Это значило, что еще пара лет – и ржавчина доберется до костей, а затем медленно поглотит их, сделав хрупкими и ломкими.

- Сгнули, – повторила женщина, глядя Бригадиру в глаза, – Сгнули из-за тебя.

Затем она повернулась и ушла.

В ушах Бригадира еще гремели звуки рушащегося острова, будто кто-то колотил по наковальне огромным молотом. Странное дело, он не слышал криков тех, кто упал в бездну. Они молчаливо приняли свою судьбу, которая оказалась гораздо милосерднее жизни на окраине...

Они погибли, потому что сами этого хотели...

Так стоило ответить?

Или так: они погибли, потому что их убили ангелы. Сначала забрали их крылья, затем свободу, а потом – и саму жизнь?

А может, действительно, это *он* их убил?

Бригадир хотел крикнуть это в спину уходящей женщине, но с его губ не сорвалось ни звука. А может, это ветер унес все слова?

Он не всегда мечтал о чем-то подобном. Никто не мечтал. Никто ни до, ни после не думал, что можно бежать с Острова. Конечно, всегда можно было попытаться перелезть по

цепям на соседний остров, но на памяти Бригадира еще никому не удавалось этого сделать. Ползти пришлось бы невероятно долго, дольше, чем от одного края острова до другого.

Каково было расстояние до земли внизу? По его подсчетам, около десяти верст. Немыслимая даль. На всех островах не найдется материалов, чтобы сплести *настолько* длинную веревку. Долететь тоже не получится. Наверняка, ангелы были на это способны, но ангелы, лишенные крыльев... Был еще один способ: искусственные крылья или некая другая конструкция из палок и парусины, но и он казался не особенно надежным.

У людей имелись их летательные аппараты, по крайней мере так было до устроенной ангелами катастрофы. У крылатых же не было ничего. Да и зачем? Подняться в воздух они могли и на собственных крыльях.

Оставался единственный способ переправить вниз такое количество бескрылых: починить один из старых летательных аппаратов людей Нижнего мира, каким-то образом заставить его работать. А для этого кто-то должен бы спуститься вниз и раздобыть такой аппарат.

Да, все это было невероятным, но ведь еще более невероятным казалось убедить одного из ангелов прислушаться к бескрылому... И в итоге, одним ангелом не обошлось. Кенобия привел за собой брата.

Ах, если бы все не сорвалось! Бригадир верил, что смог бы уговорить Тисонгу встать на их сторону. Возможно, постепенно ему удалось бы уговорить его на нечто большее, чем просто прогулка в гости к ламиям.

Если бы тот ангел увидел землю внизу, это стало бы еще одним важным шагом. Ведь тогда он понял бы, что учителя в Башне ремесленников сна обманывают. Что лгут все, кто был свидетелями резни между ангельскими фракциями.

Глава 5. Дудочка-колосник

Дудочка тянула странную мелодию. Человек сидел на камне и, закинув ноги одна на другую, держал дудочку обеими руками. Дудочка-колосник, так она называлась. Длинная, тонкая, будто стрела.

Человек отложил дудочку, поставил ноги на землю, встал, разогнулся. При нем не было оружия, но выглядел он как опытный воин: нагрудник из толстой кожи, высокие сапоги, штаны для верховой езды, перетянутые множеством ремней. Дудочку он вставил за один из них, как некоторые вставляют нож.

- Пожалуй, что и ничего, – пробормотал человек себе под нос, ни к кому не обращаясь.

Да рядом и не было никого. Ближайшая живая душа, способная ответить ему, находилась в нескольких верстах отсюда, в поместье номарха Завораша. С той точки, где он находился, было хорошо видно и поместье, и ведущая к нему дорога. Кто-то, неизвестно зачем, высадил по обе стороны дороги деревья. Все они были чахлыми и сухими, так как влаги не хватало, а тени, отбрасываемые их тонкими стволами, напоминали шрамы, которыми была расчерчена земля.

Человека звали Вирсамани и когда-то он уверенно ходил по дому, который видел вдалеке. Теперь он смотрел на стены поместья, на дорогу, деревья и все здесь представлялось ему чужим.

Хватит, подумал Вирсамани, и рука его вновь потянулась за дудочкой. К сожалению, времени сидеть и играть у него не было.

Он и по сей день помнил, как ему досталась эта дудочка. Тогда еще не музыкальный инструмент, а просто кость. Длинная, тонкая, влажная. Дудочка была самой настоящей костью – ангельской костью. Полой внутри и почти невесомой. Кроме того, кость оказалась прочной: для того, чтобы просверлить в ней игральные отверстия, Вирсамани потребовался не один час работы. Вырезать кость из тела умиравшего ангела заняло и того меньше.

Да, именно это он и сделал. Все происходило далеко отсюда, невообразимо далеко, но странным образом те места напоминали здешние: точно такая же пустошь, где ничего не растет.

На мгновение Вирсамани позволил воспоминаниям завладеть собою. Он перенесся в те времена, десять лет назад. Ощущения были настолько реальными, что он ощутил даже вкус во рту и боль в натруженных руках.

Дело происходило в грязном сарае с земляным полом и старой, прогнившей крышей, с которой постоянно сыпался мусор. Часть попадала жертве в раны, часть на стол, где был распростерт ангел, после чего частички мусора тонули в лужах крови. Кровь была повсюду. На столе, на стенах, на полу. Собственный мундир Вирсамани от пропитавшей его крови превратился из красного в черный. Последний давно уже стал цветом их полка. Черные души, чернее некуда...

Плоть отпустила кость одновременно с двумя другими событиями: стенания ангела внезапно прекратились и в противоположной стене широко распахнулась дверь. На пороге в прямоугольнике света стоял человек...

Даже спустя годы Вирсамани ощущал злость. И дудочка-колосник, заткнутая за ремни на его правой голени, являлась тому напоминанием.

Немного помедлив, он наконец решился и направился к дому. Шаги его были твердыми, походка уверенной. Воспоминания нахлынули с новой силой, когда перед Вирсамани оказались знакомые ворота. За годы их несколько раз перекрашивали, но даже теперь порядком поблекший герб номарха на них был хорошо узнаваем.

Как была видна и специальная выучка здешних солдат. Когда-то он и сам был офицером. Наверняка именно по этой причине стражи у ворот вытянулись, едва увидев его. И все же

ворота перед ним никто распахивать не спешил. Лишь когда Вирсамани представился и один из стражей отправился куда-то на территорию поместья, а затем вернулся, его пропустили.

Внутренний двор остался прежним, чего не скажешь о поместье. За десять лет его неоднократно перестраивали, а может быть, и достраивали, при этом дом несколько раз поменял форму. Например, Вирсамани не помнил башенку посередине, а обе башни по сторонам стали выше на один или два этажа.

И на этот раз никто не вышел его встречать. Вирсамани не ждал, что на ступеньках появится сам номарх, но он вполне мог отправить кого-то из слуг. Ни те, ни другой так и не появились. Те два солдата у ворот были единственными, кого Вирсамани встретил за все время.

Он поднялся по мраморной лестнице к двери, которая оказалась слегка приоткрыта. Мрамор был редким и дорогим материалом. Ближайшие каменоломни, где добывали такой камень, располагались в пятистах верстах к югу. Это означало, что для того, чтобы привезти сюда все это великолепие, нужно было потратить немалые деньги. Вирсамани уже и забыл, что главное для богачей – не столько само богатство, сколько возможность продемонстрировать его другим.

Поднявшись по ступеням, Вирсамани толкнул дверь. Он переступил порог. И вместе с тем нахлынули воспоминания.

Они напоминали кровавый вихрь, в котором Вирсамани тонул. Все было красным: стены и пол вокруг, его собственная одежда, гневное лицо номарха; он что-то кричал, однако Вирсамани не пытался разобрать слова. Вместо этого он вдыхал запах крови – целебный аромат, проникающий глубоко в легкие. В какой-то момент ему пришло в голову, что, если кровь ангелов распылить в воздухе, можно излечить весь мир. Нужно лишь достаточное количество крови...

Внутри его встретил один из слуг и проводил к широкой двери. За дверью находилась библиотека: книжные шкафы, письменный стол. Свет сюда попадал сквозь огромные окна, забранные цветным стеклом. Витражи изображали религиозные сцены. Сюжеты были незамысловатыми, но производили впечатление. Возможно, дело в падающем снаружи свете? Или в том, как выгодно блики красного, зеленого и голубого лежали на потемневшей от времени столешнице?

За столом в окружении бумаг восседал номарх. За прошедшие годы он порядком постарел и выглядел не на десять, а на все двадцать лет старше.

Прежде чем распахнуть дверь, слуга постучал и, получив ответ, впустил Вирсамани внутрь. Однако теперь номарх не подавал никаких признаков, что заметил гостя и продолжал сидеть, целиком погруженный в чтение некоего документа. В его правой руке застыло увеличительное стекло в золотой оправе.

Вирсамани слишком хорошо помнил эту манеру своего бывшего нанимателя, вот только на этот раз ему не требовалось дозволения принять стойку «вольно» или сесть в кресло. Чем он и воспользовался. Без особых церемоний Вирсамани опустился в кресло и закинул ногу за ногу.

Еще некоторое время номарх пробежал бумаги глазами, а Вирсамани молчал. Арзи-менда Нивиль, номарх Завораша, был крупным мужчиной среднего возраста, гладко выбритый, ухоженный, с пронзительным взглядом внимательных голубых глаз. Этот взгляд Вирсамани хорошо помнил, и мог поклясться, что с годами глаза номарха ничуть не потускнели.

Покрутив увеличительное стекло в руке, Нивиль отложил бумагу и посмотрел на сидевшего в кресле Вирсамани.

- Явился, – начал он без лишних предисловий.

Бывший офицер кинул.

- Хорошо. Я знал, что так и будет.

На это Вирсамани только пожал плечами.

- Вижу, проклятая дудка все еще при тебе, – покачал головой Арзименда, – Многие знают, *что* это такое?

- Думаю, немногие.

Некоторое время номарх разглядывал Вирсамани. Бывший офицер знал, что одежда на нем пыльная, а обувь грязная, но даже не пытался исправить ничего из этого.

Наконец Нивиль прервал затянувшееся молчание.

- Десять лет, – сказал он, – Столько прошло, ведь так?

Вирсамани посмотрел на бумаги, разложенные на столе, и внезапно понял, что в них не было никакого смысла. Перед ним лежали просто случайные документы, которые номарх вытащил из стопки в последний момент.

- Ты ведь пригласил меня не за тем, чтобы вспоминать о прошлом. А кроме того, это ведь *ты* меня выгнал...

В воздухе повисла пауза. Вирсамани сознательно перешел на «ты», ведь Арзименда Нивиль больше не являлся ему ни господином, ни нанимателем. Впрочем, все шло к тому, что как раз последнее могло измениться в любой момент.

- Ну все, хватит, – номарх хлопнул ладонью по столу, по документам перед собой, словно в один момент решил покончить с каким-то затянувшимся и бесконечно надоевшим делом.

Про себя Вирсамани подумал, что дело действительно «затянулось». Все эти десять лет обида на номарха только крепла.

- Это все из-за тебя, – сказал Арзименда Нивиль, поднимаясь, – Из-за твоей... выходки.

Он указал на дудочку.

- Это того стоило?

Вирсамани молча кивнул.

- А вот мне..., – Возвышаясь над столом, Арзименда водрузил тяжелые кулаки на столешницу и наклонился к бывшему офицеру, – Мне это стоило *ангела*.

Вместо ответа Вирсамани покачал головой.

- Где Дагал?

- Исчез.

- Исчез?

- Исчез, пропал, испарился, – номарх вновь опустился в кресло, – Наверняка бежал.

- И что теперь? Я должен найти его?

Некоторое время Арзименда Нивиль, номарх Завораша, молчал, глядя на него из-за тяжело опущенных бровей.

- Не Дагала, – наконец сказал он, – Моего сына. Ты должен найти и вернуть моего сына.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

За тридцать лет до описываемых событий.

Поначалу они нашли всего лишь скелет и ничего не поняли. Кости были старыми и пыльными. С виду это было похоже на скелет человека, только какой-то неправильный. Кости были... тоньше, что ли. Сам же скелет бы просто огромного роста, на два локтя выше любого человека в отряде. А еще у него были крылья. То, что осталось от перьев, впечаталось в землю подобно диковинному вееру. Кто-то из отряда заметил, что раньше на этих костях находились веревки. И действительно, хотя материал веревок почти истлел, было хорошо видно, что при жизни у ангела были связаны за спиной крылья. Вирсамани тогда и в голову прийти не могло, что обитатель одного из небесных островов мог разбиться на смерть. Мысль казалась абсурдной, нелепой... спустя какое-то время вслух проговорил ее Дагал.

Дагал был вторым офицером. Всего их отряд насчитывал два десятка человек, включая двух канониров и одинокого грума, хотя лошадей в их отряде не было. Присутствие последнего Вирсамани списал на канцелярскую ошибку. Дагал же утверждал, что приставить к ним в отряд «лошадника» было чьей-то грубой шуткой. Так или иначе, груму оружие не полагалось. Он шел позади, опираясь на длинную палку, которую достал неизвестно где – в округе не росло ни единого дерева. Внезапно грум выступил вперед и коснулся палкой костей. То ли он сделал это слишком неосторожно, то ли кости были необыкновенно старыми... Скелет крылатого обрушился внутрь, словно был сделан из песка. Ребра, таз, позвоночник – все слилось в бесформенную груду. Невредимым остался лишь череп. Череп и большие берцовые кости.

Вирсамани наклонился и взял одну. Кость не рассыпалась у него в руках. Напротив, она была крепкой настолько, что могла послужить оружием. Вирсамани несколько раз взмахнул костью в воздухе...

В следующий раз они нашли не кости, а тело.

Их отряд продвигался на юг. Правда, теперь с куда меньшей скоростью. Пара часов на привал и короткий сон не помогли восстановить силы, а наоборот, сделали людей в отряде еще более уставшими и раздраженными. В основном – из-за странных шумов, доносящихся в ночи.

Их пугались даже часовые, вздрагивавшие в ночи от каждого непонятного звука. Все они не отрывали рук от оружия до самого рассвета, и первые лучи солнца застали их с выставленным вперед итыками. Вирсамани, который и сам не сомкнул глаз эти несколько часов, оглядывался по сторонам.

Лагерь спешно свернули и отряд выдвинулся дальше. Быстрее всех шагал грум, а оба канонира тащились сзади, ведь им приходилось тянуть за собой пушку. Именно лошадник нашел первые перья.

Перья были везде. Однажды в детстве Вирсамани и еще несколько мальчишек устроили бои на подушках. Одна из них лопнула и в результате весь дом оказался усеян гусиным пухом. Вирсамани осторожно ступал по белому покрывалу. Кто-то присвистнул за его спиной. Капитан не удержался и обернулся. Это был Дагал. Офицер опустил самострел и теперь опирался на него как на костыль. Вирсамани понял, что свое оружие он по-прежнему держит наготове, хотя давно было понятно, что никакого противника рядом нет.

Просто ветер. Просто шлепки падающих тел.

Ангела они нашли неподалеку. Тело рухнуло с небывалой высоты, смяв чахлый колючий куст. От удара в земле образовалась воронка, похожая на отпечаток пальца в мягком тесте. Тело ангела было изуродовано. Даже неопытным глазом было видно: дело не только в ранах от падения. На коже крылатого тут и там виднелись многочисленные порезы. Крылья ангела были связаны за спиной.

Вирсамани обошел место падения. Дагал стоял рядом, не спуская с ангела глаз, словно ожидал, будто тот с минуты на минуту воспарит. Однако ангел был мертв.

- Мертвее мертвого, – резюмировал Дагал, и Вирсамани вздрогнул от неожиданности, уверенный, что каким-то образом офицер прочел его мысли.

- Ничего не поделаешь, – сказал Вирсамани, затем поднял голову. Над ними было чистое небо, ни облачка, – вот уж, повезло, так повезло.

Канониры, задыхаясь, подкатили пушку. С них ручьями тек пот, некоторое время оба шумно пили воду и наперебой вздыхали. Остальные в отряде застыли в молчании. Все два десятка человек – и никто не произносит ни слова.

Вирсамани подумал, что вряд ли кто-нибудь из них видел ангела. Живого – точно нет. А тут целых два, даром что мертвых. Хотя, можно ли было считать ангелом в полном смысле те пыльные кости?

Вирсамани сплюнул на песок. От этих мыслей кружилась голова и делалось дурно. Несчастного связали, истязали, а затем сбросили с одного из небесных островов. Краем глаза Вирсамани уловил движение. Повернулся, увидел, как солдаты торопливо подбирают что-то с земли. Догадался: собирают перья. Считалось, что ангельские перья приносят удачу. Иронично, ведь самому ангелу удачи они не принесли...

Вирсамани перевел взгляд на крылья ангела, которые все еще были связаны и почему-то подумал о том, что веревка самая обычная, такая же, какой пользовался он сам. Неужели на Небесных островах есть что-то приземленное, обыденное? Хотя, если хорошенько подумать, ответ был прямо перед ним. Ибо что может быть низменнее и грязнее циничного убийства? Вирсамани вновь поднял голову. Подобное с ангелом могли сотворить только его же соплеменники. Не обошлось и без хищников. Перья, разбросанные вокруг, были тому подтверждением. Наверняка какие-то зверьки добрались до тела, но пир длился недолго – падальчиков спугнул приближающийся отряд.

Наверняка ангела стоило бы похоронить, но у них не было на это времени. Ветер и солнце, продумал Вирсамани, очистят кости даже раньше, чем это сделают черви в земле.

За несколько часов они наткнулись на трупы еще трех ангелов. У всех них за спиной были связаны крылья, и само собой, все были мертвы.

Солдаты больше не собирали перья. Никто больше не обсуждал кошмарные находки вслух. Солдаты перешептывались, но чаще обменивались многозначительными взглядами.

Так продолжалось до следующего привала. Только расположившись у огня, люди смогли немного успокоиться. А затем Вирсамани достал ангельскую кость и принялся скрестить ее ножом...

- Нет, с тобой определенно что-то не так, – покачал головой Дагал, – Что-то не в порядке.

Вирсамани не ответил. Вместо этого с удвоенной силой налег на нож, пытаясь проделать в кости отверстие. Выходило неаккуратно; кость крошилась, края отверстия были зазубренными и напоминали маленькие хищные рты. Вирсамани уже трижды поранил руку, и теперь крохотные капельки крови поблескивали на смуглой коже офицера.

В очередной раз сдув костную пыль, Вирсамани поднес кость к глазам и заглянул внутрь. При этом смотрел он на Дагала. Уловив смысл послания, Дагал кивнул.

- О чем я и говорю.

- Я сам по себе, – ответил Вирсамани, не прекращая работать.

Отверстий было уже два, и по их расположению и общему виду заготовки можно было сказать, что перед Дагалом не очень умелая попытка создать музыкальный инструмент наподобие дудочки или свирели. Работа была грубой, а материал – вряд ли пригодным для такой цели.

- Послушай, – начал Дагал, но не договорил. В этот момент нож соскользнул с кости и буквально располосовал Вирсамани руку. Острое лезвие вошло в кожу и мышцы, брызнула кровь.

Лицо Вирсамани исказилось, но не от боли, а от гнева. Вскочив, он швырнул кость в костер. Затем, ничего не говоря, скрылся в темноте.

Раздался треск: в огне кость лопнула и тут же рассыпалась в прах.

- А ну-ка, – крикнул Дагал солдатам, – подбросьте еще веток.

Тем временем Вирсамани шагал прочь от лагеря. Окровавленный нож так и остался в его руке.

В постепенно сгущающихся сумерках Вирсамани уходил все дальше от лагеря. Все осталось позади: огонь костра и собравшиеся вокруг него тени, как и тени часовых, замерших широким кольцом вокруг. В последние дни они удвоили количество часовых, поэтому людей не хватало настолько, что даже он, офицер, обязан был нести свою вахту, чтобы дать возможность отдохнуть другим. Впрочем, сейчас Вирсамани считал, что в лагере этой ночью способны обойтись без него.

На мгновение его мысли вернулись к виденному накануне: к распростертым на земле телам ангелов. Им тоже не оставили выбора? Или закончить так свои дни – это и был их выбор?

Одна за другой над головой вспыхивали звезды. Вирсамани шел, не разбирая дороги. Да и не было никаких дорог. Не было никаких ориентиров. Ни единого дерева, только чахлые кусты, большие похожие на пучки редких волос, покрывающих старческую голову. Листва на них не росла, а стебли напоминали крысиные хвосты. Почему-то, когда Вирсамани касался их, у него возникало чувство брезгливости.

Взошедшая высоко луна не грела, несмотря на красный словно у вечернего светила, цвет. Ее света хватало ровно на то, чтобы видеть очертания предметов: кустов, редких камней, но было недостаточно, чтобы разглядеть что-то дальше собственного носа.

Это и подвело Вирсамани. Один неосторожный шаг, и его нога провалилась в пустоту, а сам он, кувыркнувшись, полетел в пропасть.

Удар, еще удар. Вирсамани слышал, как хлопает по земле его тяжелая амуниция. Куртка треснула по швам, а затем уже что-то треснуло внутри его тела, как будто чьи-то невидимые пальцы переломили сухую ветку.

Падать пришлось недолго. Страх не было вовсе; он просто не успел испугаться. Вирсамани пришел в себя уже внизу, лежа в пыли и глядя на быстро темнеющее небо над головой. А вот боль не заставила себя ждать: руку стремительно сжало, вывернуло, и Вирсамани почувствовал, как вверх по жилам устремляется поток пульсирующей крови, несущей боль. Как будто это ощущение и в самом деле было чем-то материальным, чем-то таким, что могло переноситься по кровотоку словно яд. Боль захлестнула его. Еще мгновение - и он готов был соскользнуть в нее, раствориться в ней.

Над его головой ослепительно сверкали звезды - и как получилось, что ночь уже наступила?

Это напомнило Вирсамани другой вечер много лет назад.

Он точно так же лежал на холодной земле, чувствуя, как боль растекается по всему телу. Пожалуй, это был первый раз, когда он познакомился с настоящей болью. Не с тем мимолетным и кратковременным неудобством, которым может быть боль, скажем от неосторожного пореза или ушибленной ноги. Нет, эта боль была всеобъемлющей как... как чернота у него над головой.

Тогда, много лет назад, он узнал одно: боль может быть не только захватчиком, без спроса вторгающимся в тело, но и спутником в долгой-предолгой дороге. Кроме этого, он помнил немного: бешеную скорость, удары ветра в лицо и то, как внезапно мир перевернулся перед глазами. Вернее, перевернулся не мир, а он сам. Мгновение назад он изо всех сил давил на педали велосипеда, а теперь лежал на земле, и единственное, что видел кроме темнеющего над головой неба – это бешено вращающееся колесо без доброй половины спиц.

После того падения пришлось еще долго восстанавливаться. У него оказались сломаны ребра, левая рука, и лишь Всевоплощенный знает, что еще.

Но главное – велосипед. Эта штука стоила слишком дорого, и почти никто в их деревне не мог позволить себе такой. За исключением пары ребят, родители которых принадлежали к небольшому числу местных богачей.

Конечно спустя годы Вирсамани посмеялся бы над тем, кто казался ему богачом. Однако в те годы любой, у кого за душой было больше пары монет на кружку пива себе и полбуханки хлеба – своей семье, по праву мог называться человеком состоятельным.

Но не его отец.

В округе их семья считалась едва ли не самой бедной.

Настолько, что до шести лет Вирсамани делил с остальными братьями место на полу, кутаясь в старый отцовский полушубок, а в семь лет и вовсе отправился спать на улицу, так как прекратил помещаться в крохотной лачуге из досок и мусора. Он всегда был выше любого из сверстников, видимо поэтому, будучи пойманным на первой же краже, едва избежал виселицы: разгневанные горожане хотели вздернуть наглеца. Лишь случайность помогла Вирсамани избежать казни: его узнал кто-то из соседей. Разумеется, ребенка вешать никто не собирался, поэтому после непродолжительной, но довольно болезненной порки, его отпустили на все четыре стороны.

Можно сказать, легко отделался.

В следующий раз ему повезло не так сильно.

Возможно, всю эту историю с велосипедом и удалось бы скрыть. Даже то, что домой он вернулся бы весь израненный, и потом пришлось бы искать лекаря, согласного за небольшую плату собрать поломанные кости. Никто и никогда не узнал бы, что исчезновение велосипеда – его – Вирсамани – рук дело. Не было ни свидетелей его бешеного заезда, ни того, как он без спроса брал вещь, ему не принадлежавшую.

Возможно...

Но, похоже, в тот раз судьба решила быть к нему менее благосклонной. Когда Вирсамани посмотрел вниз, недоумевая, откуда исходит разливающаяся по коже теплота, то увидел, что обломок велосипедной рамы торчит у него из ноги, по-дурацки оттопырив штанину и без того нелепых брюк...

В тот день боль не только заявила о себе, но и научила его кое-чему.

Терпению.

Или же это называлось смирением?

Возможно, то и другое – одно и то же?

И сейчас, много лет спустя, лежа на холодной земле, Вирсамани понял, что звезды над ним – те же самые.

Запахи были теми же самыми... И звуки.

Впрочем, нет. Звуки как раз отличались. Не было той гнетущей тишины, что образовалась сразу за грохотом и треском его падения с велосипеда. Не было скрипа чудом уцелевшего колеса и позвякивания цепей на сломанной пополам раме каждый раз, когда он пытался шевелить раненой ногой. Теперь до его слуха доносились лишь ритмичные хлопки, как будто некий ребенок раз за разом ударял ладошкой по земле - просто так, для забавы.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Импровизированный барабан откликался лишь глухим звуком.

Как и много лет назад, Вирсамани понадобилось время, чтобы осознать произошедшее. Сверзится в овраг в темноте – что могло быть глупее? И все же он не спешил подниматься на ноги.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Звук шел откуда-то из темноты. И судя по всему, его источник располагался неподалеку.

Вирсамани аккуратно повернулся на бок, привстал на локте, поправляя амуницию. Металлические застёжки при этом предательски звякнули. Боясь потревожить невидимого соседа, он прислушался: странные звуки, идущие из темноты, при этом не прекратились.

Он бегло проверил оружие. При нем была лишь короткая сабля. Нож, помещавшийся в специальном кармане в голенище сапога, он потерял при падении. Ну и пусть.

Вирсамани осторожно поднялся. При этом ему пришлось прислушиваться сразу ко всему: к необычному шуму и к своим собственным ощущениям. Было бы неприятно перенести вес на, скажем, сломанную ногу, но еще более неприятным было бы столкнуться с врагом, стоя на четвереньках.

Осторожно, так, чтобы не спугнуть предполагаемого противника, он двинулся по дну оврага.

Очевидно, в весеннее половодье здесь протекал ручей. Почва под ногами была сырой и мягкой, попадались мелкие сучки и обломки дерева. Раз или два он чуть не упал, споткнувшись об особенно крупные сучья.

Хлопки не прекращались.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Несколько ударов сердца назад, еще лежа на земле, он думал о том, как небо и звезды над головой поразительно похожи на те, что он видел много лет назад, сверзившись с краденого велосипеда. И запах был похож. Однако теперь запах изменился. Большие не пахло стылой землей, камнями и плесенью от старого, ни на что не годного дерева - такими сучьями даже костер не растопить, одна труха. Ко всем этим запахам неожиданно добавилась вонь разложения.

Пригнувшись, он осторожно пробирался вперед, пока запах не стал невыносимым, а его ноги не уперлись во что-то, что никак не могло быть древесной трухой.

К тому времени он уже знал, что перед ним мертвец.

Тело было изуродовано, изрезано, исковеркано еще до падения с огромной высоты, но даже в темноте Вирсамани смог разобрать очертания крыльев.

Перед ним был ангел.

Судя по всему, тело пролежало здесь довольно долго. Настолько, что одежда крылатого истлела, а вместе с ней истлела и плоть. Кое-где обнажились кости. Они выглядели островками среди серой, пожухшей плоти - лишнее напоминание о том, чем этому телу предстоит стать. В скудном свете Вирсамани видел лицо ангела - торчащие из беззубого рта зубы, обозначившиеся сухожилия шеи, скрюченные пальцы рук, как будто в последней попытке удержаться за ускользающую жизнь.

Вирсамани повидал достаточно трупов, чтобы понимать, что ангел был мертв уже несколько дней, если не недель. А значит, никаких звуков издавать он не мог.

Перебравшись через тело, он направился дальше. Здесь дно ручья расширилось, переходя в широкую пойму. Наверняка, в былые времена здесь было небольшое болото или даже озерцо, но теперь его пологие склоны обвалились, обнажив корни давно мертвых деревьев и всякий мусор. На мгновение Вирсамани показалось, что он стоит внутри каверны посреди огромного гнилого зуба.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Теперь хлопки стали слышны куда отчетливей. То, что поначалу казалось ударами ладошкой по сырой земле, теперь слышалось как чьи-то глуховатые притопывания.

Внезапно Вирсамани увидел впереди движение. Что-то шевельнулось буквально в двух-трех саженях, а затем раздался все тот же злосчастный хлопок.

Хлоп.

И вдруг Вирсамани осенила догадка. Подозрение возникло в тот момент, когда после очередного хлопка он увидел в окружающих сумерках движение чего-то более светлого.

Оставшиеся несколько саженей он преодолел особо не таясь. Он уже не сомневался, что увидит.

Знал – но не значит «был готов»

Последний шаг он сделал, затаив дыхание.

На земле перед ним лежал ангел. Одно его крыло поднялось, но тут же упало, гулко шлепнув на землю.

Хлоп.

Только спустя несколько ударов сердца Вирсамани понял, что так и не выдохнул.

Живой. Перед ним был живой ангел.

Зачарованный, он смотрел, как крыло в очередной раз поднимается, но только для того, чтобы бессильно упасть в грязь.

Хлоп.

Живой ангел. Перед ним был живой ангел. Искалеченный, раненый, наверняка – умирающий, но все же живой. На мгновение Вирсамани остолбенел. Все его обостренные до этого чувства схлынули, оставив после себя холодный интерес - он не впервые видел ангела, но впервые наблюдал, как тот шевелится, пытается встать и падает, словно изломанная кукла.

Или словно марионетка в руках у неопытного кукловода, добавил он про себя. Как будто гигантская рука там, в небесах пыталась управлять очередной бездушной тварью, однако веревки оказались перерезаны, сочленения суставов высохли и развалились...

Безвольная, безжизненная кукла силилась встать на ноги, но не могла осилить даже этого. Все, на что она была способна – это смотреть слепыми черными глазами на Вирсамани. Нет, поправил он себя, не слепыми – эти глаза были зрячими, такими же, как и у него самого, однако по некой странной прихоти природы были лишены зрачков и белков. Словно черные камни, вставленные в глазницы. Единственное, что можно было в них рассмотреть – это свое собственное отражение. Иногда – смущенное, но чаще – испуганное, ведь смотреть приходилось в глаза себе же. В таких лишенных зрачков глазах было невозможно разглядеть никаких эмоций.

Было лишено эмоций и лицо ангела. Он был сильно ранен и, очевидно, страдал, однако ничем не показывал этого. Вирсамани ожидал увидеть на его лице проявления боли, однако оно оставалось бесстрастным как будто высеченным из мрамора. Почему-то это разозлило солдата.

Ангелы и так были существами иного порядка: неземными, таинственными. Пока мертвые ангелы не посыпались с небес, встретить кого-то из них было делом практически неве-

роятным. Теперь же один из них смотрел прямо в лицо Вирсамани, и при этом не проявлял ни страха, ни любопытства. Точно с таким же выражением неразумный зверь взирал в пустоту перед собой – без мыслей, без цели. Однако ангел был разумным: одежда на нем выглядела дорогой и хорошо пошитой, ремни на поясе были лучшего качества, чем у самого Вирсамани, а пряжки были сделаны – из чего? Из золота? Солдаты и раньше находили трупы ангелов в одежде и не переставали удивляться: откуда у обитателей небесных городов были все эти материалы? Откуда у них кожа, сталь и даже золото? Возможно, знай о Ремесленниках сна и тех, кто был способен «выхватывать» вещи из сновидений, Вирсамани удивился бы куда больше...

Ночь не была абсолютной. Луна взошла высоко и Вирсамани неожиданно понял, что оказался в одиночестве среди пустоши, вдали от собственных солдат, да еще с ангелом в придачу. Тем временем крылатый не отрывал от него взгляда злобных темных глаз. Вирсамани шагнул ближе. Получилось так, что он зацепил носком сапога землю и пригоршня ее полетела ангелу в лицо. Вышло ненамеренно, но Вирсамани обрадовался такому стечению обстоятельств – на время ангелу пришлось зажмуриться и некоторое время трясти головой, пытаясь избавиться от песка в глазах. На время злобный взгляд исчез. Это обрадовало солдата.

Вирсамани никогда не слышал, как звучит ангельская речь. По правде сказать, он не задумывался, если ли у ангелов свой язык и как он мог бы звучать. Поэтому, когда ангел неожиданно распахнул рот и беззвучно задвигал бледными, червеобразными губами, это вполне могло быть нечто сказанное на ангельском языке.

Мольба о помощи? Или угроза? Предостережение?

Вирсамани шагнул ближе, рассматривая ангела. Тот был довольно высоким. А крылья – те оказались просто огромными. Каждое из них было размером с небольшой парус, а вместе они достигали в ширину полдюжины саженей. Наверняка издали парящий ангел в небе походил на зависшую в пустоте огромную букву «Т». На мгновение Вирсамани представил себе, как выглядели бы одновременно десятки ангелов... Впрочем, даже один ангел выглядел впечатляюще. Настолько, что обычно уверенный в себе Вирсамани внезапно ощутил приступ тревоги. Даже в окружающем полумраке эти глаза, эта бледная гладкая кожа, это тонкие птичьи черты казались не просто неземным творением, они казались чем-то пугающим.

Губы ангела по-прежнему шевелились, глаза неотрывно следили за Вирсамани. Сам крылатый стал как будто больше, вытянулся, и, кажется, теперь не просто лежал, распластавшись на земле, а как будто парил над нею...

Только сейчас Вирсамани обратил внимание на кровавое пятно вокруг ангела. В свете луны кровь казалась черной... Или она и в самом деле была черной? Когда он вновь посмотрел на крылатого, оказалось, что тот не лежит, как прежде, а приподнимается на одной руке. В то же время другая его рука тянулась к Вирсамани.

Длинные тонкие пальцы с острыми птичьими когтями могли бы с легкостью разорвать плоть и даже кожу легкого доспеха, но почему-то Вирсамани не испытывал опасений. Загипнотизированный взглядом непроницаемых глаз ангела, он сделал шаг ближе.

- Командир!

Голос пришел откуда-то из темноты, эхом отразился от камней и немногочисленных деревьев. Голос был смутно знакомым и где-то на окраине сознания Вирсамани родилась мысль: его ищут. Впрочем, она тут же исчезла, растворилась, вытесненная взглядом ангела. Этот взгляд... Собственный разум вдруг показался Вирсамани таким же ненадежным и мимолетным, как песчаная дамба, построенная ребенком поперек горного ручья.

Затем крик повторился.

Он был не важен, этот голос. Гораздо важнее были глаза ангела – нацеленные на него как дула смертоносных орудий. С тем же успехом эти начисто лишённые белков, равномерно

черные и слегка выпученные глаза могли быть пустыми провалами, ведущими в никуда. Да, что там говорить... Такими они и были.

- Командир!

Голос, прозвучавший совсем рядом неожиданно вывел Вирсамани из ступора. Внезапно он понял, что ангельская рука лежит у него на шее, а острые когти крылатого впиваются прямо в плоть, грозя проткнуть гортань...

- Командир, сюда, - раздался все тот же голос, и некая сила отдернула Вирсамани в сторону, высвобождая из оков хватки. Не устояв на ногах, солдат рухнул навзничь, и его рука сама собой уже нащупывала рукоятку клинка, рукоятку самострела. Все, что угодно, способное стать оружием.

Итак, сам номарх обратился к нему с просьбой. Не такая уже неожиданность, если подумать. Вирсамани был уверен, что за исключением его самого, в городе едва ли найдется пара следопытов, способных выследить и найти кого-то. Одним из них был Мензагеррашу Дагал. Однако следом за сыном номарха исчез и он.

Оказалось, в городе многие знали Спитамена. Разумеется, не по имени. И не как сына номарха, нет. В притоне, куда он захаживал за белой смолой, его величали Аристо, видимо, подразумевая происхождение. Один нищий, обитавший в грязном тупике сразу за канализационными стоками, рассказал, что Спитамена чаще всего видели на углу Мясоедской улицы, напротив канала. От того же нищего Вирсамани получил описание: высокий брюнет с длинными волосами и бородой. Подобным образом выглядел каждый второй бродяга в Завораше, и Вирсамани сказал об этом. Тогда нищий снабдил его еще одной деталью: у Спитамена было цветное одеяло.

Ночи в Завораше довольно холодные, и, если тебе приходится спать на улице, одеяло просто необходимо. По тому, как нищий говорил об этом, было понятно, что одеяло давно являлось предметом его желаний.

Отправившись на набережную, Вирсамани не нашел там ничего, кроме следов крови, которые давно превратились в черные пятна, едва различимые на грязных камнях. Чуть позже неподалеку он разыскал человека, зябко кутающегося в цветное одеяло. Без сомнения это было одеяло, которое принадлежало Спитамену.

Увидев, что к нему приближаются, человек бросился бежать. Здесь Вирсамани отметил, что для того, кто регулярно недоедает и спит на улице, этот тип двигался довольно проворно. Насколько, что самому Вирсамани пришлось побегать. Удивительная деталь: убегая, этот человек ни на секунду не выпускал из рук одеяла. Наверное, на здешних улицах это и вправду была ценная вещь.

Наконец Вирсамани прижал беглеца к стене, приставив к его горлу лезвие ножа. Беглецом оказалась девушка лет тринадцати-четырнадцати, совсем еще ребенок. Большие серые глаза на детском лице смотрели с вызовом. Одновременно в них читалась какая-то обреченность, так что Вирсамани понял, что перережь он ей глотку прямо сейчас, ни для кого это не станет неожиданностью: ни для властей, ни для других обитателей улиц, ни даже для нее самой.

Девушка не знала Спитамена лично, но была уверена, что раз тот не всплыл на поверхность после того, как солдаты открыли стрельбу, то наверняка он мертв.

- Застрелили или утонул. А может и то, и другое одновременно, – зло выпалила она.

По ее словам, после того как все улеглось, она пробралась на набережную и стащила брошенное одеяло, а также миску для подаваний. Миску она в первый же день обменяла на объедки в одном из постоянных дворов.

Все это не интересовало Вирсамани. Оставив девушку зябко кутаться в одеяло посреди грязного переулка, он отправился дальше. Он уже знал, что сына номарха среди погибших не было. Стоя на набережной на том самом месте, где еще недавно стоял Спитамен, капитан пытался нарисовать в воображении карту канала. Каждому, кто прожил в Завораше достаточно, было известно, что во многих местах канал разветвляется, впадая в мелкие ручейки и наполняя городские канавы, где вода может стоять месяцами. По сути дела, его рисунок меняется так же быстро как линии на песке. Мало того, часть пути канал и вовсе проходит под землей. Никто не знает, насколько затоплены прибрежные части, и куда может привести поток. Бывали случаи, когда течение выносило предметы с другого конца города. Чаще всего это были трупы животных, но иногда встречались и люди – погибшие от рук грабителей, жертвы несчастных случаев, одиночки-самоубийцы.

Так было и с тем телом, которое Спитамена заставили доставать из воды?

Конечно же, никто не знал, что принуждает к грязной и унижительной работе сына номарха. Вирсамани слышал, что приказ стрелять отдал сам Дагал, а это означало, что глава тайной службы тоже не всеведущ. Почему-то эта мысль развеселила Вирсамани. Стоя на набережной и глядя в мутные воды канала, он улыбался, и каждый прохожий, рискнувший явиться на набережную после наступления темноты, готов был подтвердить: в этой улыбке не было ничего хорошего.

Глава 6. За плотно затворенной дверью

Три недели назад у Папста не было ничего, за исключением таблички с дурацкой надписью и пары заготовленных историй, что были призваны стать некими «предсказаниями будущего». Что и говорить, у него не было даже идей, как можно обыграть пресловутое «исполнение желаний», буде кто сподобился заплатить за нечто подобное. Впрочем, вид оборванного и грязного дервиша, наверняка останавливал многих. Какие там «исполнения желаний» первого встречного, если этот тип не в состоянии заработать на кусок хлеба. Или на целую одежду. Или на ванную.

Однако все изменилось, когда в руки Папсту попал вожделенный пузырек с эссенцией. Чьи воспоминания он хранил? Отпечаток чьей личности нес? Это и предстояло узнать дервишу, стремительно удаляющемуся от постоянного двора, где продолжал спать пьяным сном уже бывший владелец чудесного пузырька...

Поиски привели его на темную улочку, по сути, тупик, в конце которого дремал одинокий пес. Когда, шурша своими многочисленными лентами, дервиш приблизился, пес поднял голову и открыл один глаз. Лаять он не стал, а Папст, решив не искушать судьбу лишней раз, поспешно ретировался. В соседнем дворе не оказалось ни собак, ни других ненужных свидетелей. Наконец-то можно было попробовать содержимое пузырька.

До этого Папст уже имел опыт обращения с разными наркотиками. *Кек* - самый распространенный вид отравы, можно было задешево купить почти повсеместно, однако все, что могла дать белая смола – это кратковременное расслабление и немного эйфории. Были и другие наркотики, в том числе чрезвычайно редкие, такие, которые изготавливались из крови, плоти и костной муки других наркоманов. Одни из них открывали в сознании двери, другие уносили это сознание прочь, к неизведанным мирам. Однако действие любого наркотика когда-либо заканчивалось. И тогда Папст вновь оказывался там, где был до этого: на улице, в грязи, одинокий и жалкий. При этом сам Папст считал себя кем-то вроде искателя... и даже не новых ощущений, а нового *опыта*. Где-то между вольным художником, находящемся в постоянном поиске вдохновения и воображаемым мореплавателем, отправившимся покорять новые земли. Разумеется, все это имело так же мало общего с действительностью, как и мнимые «предсказания».

До того, как стать уличным балаганщиком, наш герой пробовал себя в десятке занятий: от скромного чтеца стихотворных произведений на рыночной площади до кого-то, кого обычно называют «наперсточником». Вся суть этого занятия заключалась в поиске достаточно доверчивых горожан, готовых за небольшую плату угадать содержимое трех передвигаемых стаканчиков, под одним из коих лежит желанная фишка. Угадал - выигрыш твой, не угадал - потерял ставку. Ставили на это дело охотно, невзирая на то, что мало кто выигрывал. Однако больших денег на этом занятии Папсту сколотить не удалось. В какой-то момент на улице, где он в очередной раз развлекал публику, появились несколько людей в черных кожаных туниках и с неприятно зверскими лицами. Толпа, собравшаяся вокруг Папста и очередного «везунчика», делавшего уже не первую попытку угадать, под каким из стаканчиков фишка, тут же растворилась. Причем произошло это настолько быстро, что сам Папст не успел ничего понять, а по-прежнему вращал, перемешивал стаканчики, повторяя нечто вроде «кручу-верчу, запутать хочу». Когда на него упали три тени, вокруг стало необычно тихо, и в этой странной тишине повторяемое Папстом звучало особенно глупо...

Обычно сила любого физического воздействия, применяемого в мире, где действует организованная преступность, сводится к простой формуле: «П-Н-В», что означает соответственно: «предупреждение», «наказание», «возмездие». Он так и не узнал, кто из преступных воротил города послал громил разобраться с ним, зато понял, что приказ был всего лишь пре-

дупредить зарвавшегося наперсточника. Очнувшись в богадельне, куда его принесли добрые горожане, Папст не сразу понял, как ему повезло. В том же, что это именно предупреждение, первое и последнее, за которым неминуемо последует наказание, сомневаться не приходилось.

Умирать Папст не планировал, а поэтому, еще лежа на жесткой как дно гроба больничной лавке решил покинуть город как можно скорее. Тех молодчиков он, к слову, больше не видел, не знал их имен, как и того, кто стоял за всем этим. Это в рыцарском романе или в одной из тех поэм, что он читал на площади, отважный герой преследует и находит обидчиков, после чего наступает неминуемая расплата...

Впрочем, Папст вынес необходимые уроки. Он стал осторожнее, внимательнее к мелочам и в разы хитрее. Теперь его предприятие именовалось «Предсказание будущего, исполнение желаний»... И стоит сказать, некоторые из его желаний действительно исполнились.

В детстве Папст не отличался физической формой. Он был маленьким, худощавым и болезненным ребенком. Доходило для того, что его собственная мать, которая тоже не блистала сложением и красотой, отказывалась кормить тощего «заморыша». Другие дети дразнили Папста, называли «глистом» и «скелетом», и в лучшем случае избегали, а когда Папст стал достаточно взрослым, чтобы огрызаться в ответ, стали поколачивать.

В пять лет он впервые украл, в шесть впервые попался. Уже в семь лет, будучи достаточно сообразительным, чтобы спланировать кражу и обладая все тем же небольшим телосложением, чтобы пробраться куда угодно, хоть в крысину нору, Папст стал воровать профессионально.

Поселение, где он родился и жил, располагалось в междуречье Онты и Меноры, почти у самого озера Оровас. Это был городок рыболовов, мастеровых и ремесленников. Соседство с Заворашем некогда сделало его богатым, а война обошла стороной. К тому же близость к западу позволила попадать товарам из Ахерона. До войны и Разрушения это были механизмы, позже - металл и детали аппаратов, в том числе и те, что добывали сборщики в болотах Тантарона.

Когда Папсту исполнилось двенадцать, его мать умерла, не оставив единственному отпрыску ничего, кроме множества долгов, дурной славы и лачуги с дырявой крышей. Первое время мальчик оказался на попечении соседей, но, когда из домов у тех стали пропадать вещи, даже самые сердобольные пересмотрели свое отношение к безобидному на первый взгляд «мальшу». Единственным, кто продолжал заботиться о сироте, был местный писарь по имени Синпарнас. Возможно потому, что у него, как и у самого мальчика, не было никакого имущества, которое можно было бы стащить. Единственное, что у старика имелось в избытке – это знания, коими он зачем-то стремился поделиться с уличным мальчишкой.

Чтение. Письмо. Стихосложение. Декламация. Выразительное чтение. Уже позже, после смерти старика, Папст пришел к выводу, что Синпарнас просто боялся отойти в мир иной, так и не совершив ничего действительно значимого.

Таким достойным делом для него стало воспитание мальчика. Впрочем, это вовсе не значило, что старик проявлял снисходительность. Напротив: порой его жестокость принимала немислимые масштабы.

Как ни удивительно, обучение молодого бездельника, письмо и стихосложение – это не единственное, чем занимался Синпарнас. Когда солнце садилось за горизонт и вокруг становилось достаточно темно и прохладно, чтобы жечь свечи, старик раскладывал на старом выщербленном столе деревянные дощечки.

Поначалу Папст думал, что это такая игра. То, как Синпарнас обращался с дощечками, напоминало партию в шашки, только фигуры здесь заменяли эти странные кусочки дерева.

Однако, чем больше Папст наблюдал за действиями старика, тем яснее ему становилось: перед ним вовсе не игра, и уж точно не что-то, похожее на шашки.

Во-первых, все дощечки были разного размера. Во-вторых, на каждой из них были символы, и нигде не встречалось двух одинаковых. И наконец, в-третьих: когда старик раскладывал деревяшки, лицо его становилось озабоченным и напряженным. Иногда он подолгу жевал собственные жесткие усы, бормотал что-то вполголоса, и в ряде случаев все это заканчивалось ударом покрытого старческими пятнами (но все еще крепкого, Папст знал это точно), кулака о стол. От того дощечки слетали на пол, и некоторое время затем мальчик помогал старику собрать их вновь.

Символы на них были разными: на одних примитивные черточки, косые линии, пересекающиеся треугольники. На других было изображено нечто более осмысленное, вроде человеческого лица, или руки с оттопыренными пальцами (на разных дощечках руки показывали разное количество перстов: от одного до пяти). И, наконец, был третий вид. Ими Синпарнас дорожил больше всего. Оно и понятно: изображения на них были настолько тонко сработанными, что дощечки напоминали произведения искусства.

Изображения на них также были разными, и точно так же не повторялись дважды: города и люди, тесные улочки, горы, реки, озера. Если присмотреться, то в иных из них можно было увидеть нечто привычное. Отдельные места были настолько знакомыми, что Папст вздрагивал каждый раз, глядя на очередную табличку. Возможно, неизвестный мастер запечатлел местные красоты? Впрочем, все это могло быть не более, чем совпадением. Разве одни реки не похожи на другие? А улочки городов не везде одинаковые?

Этими дощечками Синпарнас очень дорожил.

Однажды Папст спросил у старика, зачем он каждый вечер садится за эту «игру». Вместо ответа старик лишь покачал головой и продолжил раскладывать дощечки. В другой раз он зачем-то позвал Папста и предложил посмотреть на разложенные деревяшки.

«Узнаешь?», спросил он.

Мальчик покачал головой.

«А прочесть сможешь?»

Стариковская рука указала на россыпь дощечек, где были начертаны незнакомые символы: треугольник, и в нем еще одни, человеческой глаз без радужки, несколько косых линий, перечеркнутых по разу или два, круг, пчела, зигзаг, несколько больших букв – «А», «Я», «О», «Э», овал с вписанным в него кругом и многое другое. Наверняка, символы можно было читать как слова в книге. Возможно, они даже были разложены в осмысленном порядке. Однако если и так, то Папст не уловил его сути.

Он вновь ответил отрицательно.

«Ладно. Чего уж», пробормотал старик и сгреб дощечки в ладонь.

Папст долгое время не вспоминал о том разговоре. Были дни, когда старик разрешал ему посмотреть на дощечки, разложенные на столе, но никогда не было случая, чтобы он снисходил до комментариев. Тем сильнее было удивление мальчика, когда однажды вечером Синпарнас усадил его за стол рядом.

«Смотри внимательно», сказал старик, раскладывая первый ряд дощечек.

«Видишь?»

Все, что Папст видел – это кусочки дерева с непонятными рисунками.

Так было поначалу. А затем внезапно его озарило: это гадание.

Предназначение дощечек сразу стало понятно, как и многое другое. Но зачем старик усадил его рядом? Неужели хотел научить и этому искусству? Как будто одного чтения с письмом

было недостаточно! Папст, который уже довольно сносно управлялся с чернилами и бумагой, никогда не подумал бы, что у писца может быть *столько* работы.

Ответ стал ясен минуту спустя.

«Смотри внимательно, вновь повторил старик, расклад всегда одинаковый. Что бы я ни делал, как бы не выкладывал карты - результат один и тот же. Видишь?»

Папсту показалось, что его ответ не так уж важен. Скорее всего, старик позвал его лишь за тем, чтобы лишний раз удостовериться: ему не мерещится то, что он видит.

«Ты уверен?», спросил Папст.

И тут же получил подзатыльник, от которого его голова мотнулась так, что он едва не угодил лбом в столешницу.

Старик сгреб дощечки со стола, тщательно перемешал и принялся раскладывать снова. Когда на столе оказалась половина деревяшек, стало понятно, что и в этот раз расклад будет точно таким же.

В третий раз? Но каким образом?

Старик задумчиво покивал, соглашаясь с какими-то своими мыслями. Затем, видимо, отказавшись от затеи, швырнул оставшиеся деревянные на стол. Мальчик отметил, что даже после случайного броска они легли в прежнем порядке.

«Но почему?», спросил Папст, рискуя вновь впасть в немилость.

Однако второго подзатыльника не последовало. Вместо этого старик придвинул свечу, усадил мальчика ближе и стал показывать одну дощечку за другой.

Гадание оказалось несложным делом. Вскоре Папст обнаружил, что на самом деле был недалек от истины, когда считал, что перед ним некая «игра». Во многом гадание и походило на игру. Вскоре мальчик обнаружил, что это занятие нравится ему гораздо больше, чем чтение или письмо. К тому же ему полюбился спокойный, медитативный ритм, с которым приходилось раскладывать дощечки.

Однако больше всего его завораживали изображения. Внезапно все они обрели смысл. Но если раньше Папст уже видел некоторые из них, то названия почти всех слышал впервые. *Колодец тьмы. Безумный каменщик. Обратная лестница. Старуха. Принц. Дразнящая судьба...* На последней было изображено нечто неопределенное, перетекающие друг в друга цвета и формы, что менялись в зависимости от угла зрения и даже времени суток. Смотреть подолгу на такой рисунок было невозможно.

«Прежде всего, говорил Синпарнас, нужно усвоить несколько правил. Никогда не гадай ни себе самому, ни близким. Судьбы окружающих тебя людей и твоя собственная переплетены. Знать собственное будущее нам ни к чему».

«Но тогда в чем смысл?»

«Смысл в том, чтобы увидеть возможные варианты».

Папст усвоил эти правила и следовал им, по крайней мере, в начале. А вот старик нарушил самое главное из них практически сразу - как только продемонстрировал мальчику последнюю дощечку. Тайком от Папста он разложил дощечки на столе, некоторое время смотрел на них, а затем, бросив единственное слово «чудовище», сгреб со стола. Ни до того, ни позже, дощечки не образовывали подобное грозное сочетание. Да он и не спрашивал. Больше не спрашивал.

Папст не считал, что его прежний опыт был каким-то откровением. Ему не являлись ангелы, когда он лежал на больничной койке после избияния на улице, а мастерство гадателя не давало ключ к тайнам жизни, разве что помогало немного разнообразить досуг.

Пожалуй, единственное, что было более или менее стабильным в жизни будущего дервиша – это гибель близких ему людей. Вскоре смерть настигла и Синпарнаса. Он умер тихо, во сне, и Папст подумал о том, что старик ушел из жизни так же незаметно, как и жил. Все, что Синпарнас оставил мальчику, помещалось в дорожной сумке - письменный прибор и дощечки для гадания.

Папст размышлял над этим, ковыряя восковую пробку на пузырьке с эссенцией. Пробка никак не хотела поддаваться, как будто проверяла степень его настойчивости. Наконец ему удалось соскрести немного воска. При этом руки у Папста дрожали так, что он едва не расстался с содержимым бутылочки. Да, это мог быть сюжет для одного из памфлетов с нравоучительным концом, который так любила городская чернь: вор в шаге от вожаемого сокровища, однако теряет все благодаря собственной глупости. Давясь смехом в тесном переулке, Папст наконец расковырял пробку достаточно, чтобы добраться до эссенции.

Затем, недолго думая, опрокинул пузырек в рот.

Первый глоток скользнул в горло и распустился в желудке сладким цветком. Второй больно ужалил губы, словно их приложили к покрытому инеем куску металла. Этот металл был колючим и резким на вкус как будто кто-то сплавил в один бесформенный ком полсотни швейных игл. И, наконец, третий глоток. На этот раз Папст ощутил, как нечто шевельнулось у него во рту, словно вместе с жидкостью он проглотил живого жука. Насекомое несколько раз коснулось его языка и внутренней поверхности щеки своими колючими лапками, а затем без каких-либо усилий проскользнуло горло.

Папст запаниковал. Тот человек подменил содержимое бутылочки! Возможно, налил внутрь яд, а он, дурак, не задумываясь, выпил...

Однако в следующую секунду воспоминания обрушились на него с невиданной яростью. Сила их была такова, что Папст покачнулся и едва не упал под напором образов, запахов, звуков и прочего, что определенно не совпадало с его собственным опытом.

Папст пришел в себя только на следующий день. Солнце пекло прямо в лицо, однако разбудили его не жаркие лучи, а непонятная возня поблизости. Сквозь сон ему казалось, что рядом кряхтит и стонет дикий зверь. В сознании всплыли картины терзающих свои жертвы хищников, и это окончательно прогнало остатки сна.

Папст вскочил на ноги, чем до смерти напугал тощего пса, что рылся в отбросах неподалеку. Пес буквально подпрыгнул в воздух, упал и ринулся прочь из тупика.

Только сейчас Папст осмотрелся и понял, где оказался. Это был не жилой район, здесь вообще не было крылечек и дверей, а выходящие на тупик окна смотрели недружелюбно, прищуренными злыми взглядами суровых бойниц... или тюремных клеток.

Папст тряхнул головой, пытаясь вспомнить, как сюда попал. Он помнил, как ложился спать в ночлежке, как крался к незнакомцу в попытке завладеть вожаемым пузырьком... Затем то, как бежал в темноте, блуждал в поисках достаточно укромного места, пока не отыскал этот уголок.

Все это проскользнуло с памяти Паста за мгновение. После этого вихрем понеслись какие-то чужие воспоминания: небо цвета обожженной глины, темная вода под ногами, а внизу - не ноги, а палки, словно ступни и голени ампутировали, а в культы вставили издевательски тонкие сучья, на которые невозможно даже опереться.

Уже находясь в своем теле, в этом сумрачном и грязном переулке, Папсту захотелось кричать. Боль пронзила каждую частичку его плоти, которая на глазах распадалась на части - и он замахал руками, пытаясь остановить разрушение собственного тела. Со стороны это выглядело так, будто он отбивался от роя бешеных пчел и наверняка показалось бы комичным любому, но только не самому Папсту, испытывавшему неимоверную, просто невыносимую боль.

Одна часть его рассудка понимала, что боль - всего лишь иллюзия, воспоминания, другая часть отказывалась это признавать. Папст почувствовал себя заключенным в тело трупа, в разлагающуюся, студенистую плоть. Или еще хуже: он внутри гроба. *Нет, он сам стал гробом.* Все его тело превратилось в безжизненный каркас из дерева и эпоксидной смолы...

На пике боли и тошноты Папст неожиданно сложился пополам: его вырвало на грязную мостовую. В голове грохотало биение крови, но что еще хуже, его перебивали голоса. Много голосов. Все они вещали на разные лады, словно хор умалишенных. Именно поэтому Папст никак не отреагировал на голос, что раздался вдруг рядом.

- Ты глянь-ка, - произнес кто-то развязным тоном, - Еще одна птичка в тупичке.

Папст усилием воли поднял голову. Огромных усилий ему стоило сфокусировать взгляд. Когда это произошло, он разглядел перед собой троих незнакомцев. Они стояли как раз напротив, там, где находился выход из тупика, полностью загораживая его. Теперь, если бы Папст захотел выбраться наружу, ему пришлось бы миновать эту троицу.

Поначалу Папсту показалось, что он вернулся в детство, в те времена, когда его дразнили соседские мальчишки. Именно они называли его «птичкой», «птенчиком» и десятком других, куда менее приятных прозвищ. Однако присмотревшись, он понял, что люди перед ним совсем не похожи на детей. Эти трое были не просто старше и шире в плечах. Их кожа была грязной и покрытой многочисленными татуировками. Вдобавок все они носили оружие - не такое, как у солдат или городской стражи, но не менее опасное. У одного была дубинка со свинцовым шариком на конце, другой щеголял своеобразным кастетом - перчаткой с шипами на костяшках.

Папст уже встречал подобный тип людей: мелкие разбойники, городская гольтьба, которая только и умеет, что грабить, пьянствовать и драться.

Дервиш покачал головой. Всегда одно и то же. И хорошо, если бы у него было что брать... Тогда грабители наверняка удовлетворились бы наживой. Однако все, что у него имелось - это мешок со скромными пожитками и пустой флакончик из-под эссенции. Возможно, эти люди приняли его за бутылку с алкоголем? Тогда становилось понятно, почему все трое не потеряли интерес к скромному бродяге. Хотя мог быть и третий вариант: они просто жаждали крови.

Все это пронеслось в голове у Папста за мгновения между тем, как раздались издевательские голоса, и тем, как один из троих, судя по всему, главный, вышел вперед, поигрывая дубинкой.

Папст знал подобное оружие. При всей кажущейся простоте, в умелых руках оно могло быть грозным орудием.

- Что-то я раньше тебя здесь не видел, - сказал обладатель дубинки, грозно надвигаясь. Двое его спутников по-прежнему не сходили с места, справедливо полагая, что у их приятеля хватит сил в одиночку расправиться с чахлым человечком.

Папст понимал, что слова бессильны. Мольбы еще больше распалят гнев нападавших. Сколько раз он сам видел, что случалось с теми, кто пытался взывать к разуму и человечности своих мучителей? Поначалу он сам был таким, но быстро понял, что случается с теми, кто теряет остатки собственного достоинства.

- А ну показывай, что у тебя в торбе.

Папст продолжил отступать.

- Ты оглох?

Вместо ответа дервиш прижал мешок к груди.

- Спрашиваю: ты оглох или просто идиот?

Несколько раз Папста оставляли в покое, стоило ему убедить нападавших, что он всего лишь безобидный дурачок. Впрочем, эти ребята, похоже, были как раз из тех, кому доставляло удовольствие причинять боль слабым.

- Ну, - сказал наступавший, отвратительно ухмыляясь. Его рот был полон почерневших кривых зубов. - Можешь начинать умолять. - И воздел руку с дубинкой вверх, собираясь нанести первый удар.

Папст инстинктивно выбросил ладонь вперед, пытаясь защититься от неумолимо летящего навстречу свинцового напершия и в этот момент произошло нечто невообразимое...

Уже позже, кое-как отмыв кровавые пятна с кожи и частично - с одежды в поилке для скота на задах безымянной таверны, он смог, наконец, унять бешеный стук сердца. Произошедшее в том тупике было слишком невероятным, слишком фантастическим... и слишком ужасным, чтобы принять его безоговорочно. Но несмотря на это, Папст чувствовал небывалое воодушевление, даже ликование. Приятное покалывание распространялось по всему его телу от пяток до кончиков волос, и в этот момент ему казалось, что его переполняет такая энергия, которой хватило бы на то, чтобы бежать без остановки десятков верст.

В то же время произошедшее напугало его. Ведь троих нападавших, «разбойников», поправил он себя, буквально разорвало на части. Он поднял руку - и тела троих лопнули с таким звуком, будто кто-то выбивал толстые воловь шкуры. Ошметки плоти разлетелись по сторонам, окрасив стены и землю вокруг. Там, где только что стояли живые, дышащие люди, остались лишь частицы плоти, костей, а еще лоскуты ткани, из которой была пошита их одежда. А еще - перчатка с шипами и дубинка со свинцовым шариком на конце. Последняя с громким всплеском шлепнулась в наполненную кровью воронку - все, что осталось от ее обладателя.

Папст стоял с открытым ртом, полностью утратив всякую связь с реальностью.

То, что только что произошло – это его рук дело? И что-то внутри него тут же отвечало, что да.

Удача и здесь сопутствовала ему: у троих грабителей не нашлось дружков поблизости. Папст был уверен, что не повторил бы трюк дважды. Поэтому он просто сбежал. Довольно продолжительное время он петлял по улицам просыпающегося города, заходил то в один, то в другой подобный тупичок. Наконец, он наткнулся на корыто с водой и бросился умываться. И только тогда понял, что за все это время так и не выпустил из рук флакончик. На его дне осталось совсем немного эссенции, буквально пара камень.

Первым желанием Папста было выбросить бутылочку, однако он вовремя опомнился и сложил ее в мешок к другим таким же никчемным вещам, самым ценным из которых был набор дощечек для гадания.

Постепенно он успокоился и смог трезво размышлять. Со временем чужие воспоминания прекратили врывать в его мозг без спроса, однако это не значило, что они исчезли насовсем.

О судьбе троих нападавших он не жалел. Более того, раз они напоминали ему тех мальчишек, что поколачивали его в детстве, то и поделом им.

Главным было не это, а то, что, выпив жидкость из флакончика, Папст получил не только чьи-то воспоминания, но и способности. Вода в корыте перед ним стала совсем красной, как будто в самом деле была наполнена кровью. Хозяин постоянного двора вышел на улицу и принялся браниться на «еще одного бродягу».

- Не суйся во двор к Ясмаху! - Кричал он, потрясая в воздухе кулаками.

В этот момент Папсту стало интересно, сможет ли он воспользоваться необычными способностями еще раз... Однако ему пришлось сдерживать себя, склонить голову и уйти под градом летящих в спину огрызков - тот человек вышел на задний двор с полной корзиной мусора.

Папст не сразу осознал обретенное могущество. Понимание пришло позже, когда дервиш обосновался на том же месте, что и несколькими днями раньше. Только вместо «предсказания судьбы и воплощения желаний» предлагал совсем другие чудеса. Например, голыми руками сгибал толстые железки, ломал оглобли и превращал в прах камни. Вскоре новоявленный силач начал собирать толпу. Монеты все чаще летели в его тарелку. Женщины вздыхали, мужчины качали головами. Кто-то даже попробовал потрогать его предплечье, очевидно, чтобы оценить размер мышц, и тогда возгласы удивления звучали громче - большинство не могло понять, как такому тощему, чахлому человечку удается нечто подобное.

Разумеется, Папст пользовался не физической силой, а силой воли. Именно ее неконтролируемым посылом он уничтожил троих грабителей... И мог бы причинить гораздо большие разрушения, если бы не испугался сам. Вскоре он понял, что если использовать обретенную силу осторожно, понемногу, направляя в конкретную точку, то ее можно будет контролировать.

Представления Папста обрели популярность. Однажды среди зрителей мелькнуло лицо бывшего обладателя флакончика. Тот выглядел потерянным. Одежда на нем была грязной, к тому же он сильно оброс и осунулся. Человек мельком взглянул на Папста, который как раз в этот момент сжимал руками (а на самом деле силой воли) подкову, и на краткий миг в его глазах мелькнуло узнавание.

Папста охватил страх. Ему показалось, что бывший обладатель волшебного флакончика ринется к нему через толпу, схватит за горло и потребует вернуть украденное... Но этого не прошло. Человек лишь скользнул по нему взглядом, а затем вновь понурил голову и побрел своей дорогой.

И все же эта встреча не прошла для Папста даром. На мгновение он потерял концентрацию (или же наоборот, приложил избыточное усилие). Подкова в его руках лопнула, и острый металлический край прошелся по всей ширине ладони, вспахивая плоть до самой кости. Брызнула кровь, Папст вскрикнул. Некоторые зрители в толпе начали смеяться, другие принялись улюлюкать и дразнить его за неуклюжесть. Похоже, их больше порадовал и развлек его провал, чем трюки.

Зажимая рану, Папст отступил в сторону. Вернее, был отодвинут. Какой-то здоровяк выбрался в круг перед зрителями, схватил одну из подков, заготовленных для выступления, и с видимым усилием согнул.

Толпа разразилась шумным ликованием. Продолжая баюкать раненую руку, Папст продолжил отступление, и в этот момент в него полетели копыя грязи, старой, свалявшейся соломы и бог знает чего еще. Здоровяк, только что согнувший подкову голыми руками, в исступлении рвал его мешок. Толпа будто сошла с ума. Глядя на беснующуюся публику, Папст ретировался. Последнее, что он успел заметить – это как гигант с животным криком подбрасывает в воздух то, что осталось от его пожитков.

На месте Папста бежал бы любой, не важно, обладал он какими-либо необычными способностями или нет. Бояться он не перестал, и не имело значения, чьи воспоминания стали его частью. Что до воспоминаний... тут все было не так просто. Они появлялись из ниоткуда и так

же бесследно исчезали. Большую часть времени Папст оставался сам собой, но временами... Временами он чувствовал себя *иначе*.

Он уже знал, чья кровь использовалась для приготовления эссенции, знал историю человека по имени Мельпомен и еще десятка других существ.

Те, что были чуть более развитыми, оставили после себя расплывчатые картины - написанные широкими мазками полотна бытия, где не было места собственному «Я», понятию времени или конечности существования. Большинство из этих организмов стали строительным материалом для нового существа, которое лишь внешним видом напоминало человека.

Неизвестно, каким образом, но этот человек погиб, но его кровь использовали для создания эссенции.

Как ни странно, то, что *ничто* могло появиться из *ничего*, живое из мертвого, новая плоть - из симбиоза старой плоти и механизмов, не было таким уж невероятным.

Оставшись без вещей, заработанных денег и зрителей, Папст бродил по улицам города. Редкие прохожие обходили его стороной. Многие брезгливо отворачивались от окровавленного и грязного человека, но большинство просто не замечали. В этом все более-менее крупные города походили друг на друга. Жители здесь были настолько привычны к виду бедности и смерти, что могли запросто переступить лежащий посреди улицы труп и пойти дальше.

К середине дня он обнаружил, что боль в раненой руке прошла, а кровотечение остановилось. Более того - стерев остатки крови и расковыряв запекшуюся корку, Папст обнаружил, что рана затянулась.

И это тоже не удивило его.

Теперь на месте пореза находился широкий фрагмент пористой плоти. Когда он дотронулся до него, плоть пружинила, почти как настоящая. Вот только Папст знал, что настоящей она не была. Кожа еще сохраняла чувствительность, но стала как будто чужой, инородной. Словно заплатка на одежде из совсем другой ткани. Он сжал и разжал кулак. Пальцы подчинились. Что ж, неплохо.

Папст рассмеялся. Наверняка со стороны это выглядело странно: одинокий грязный человек застыл посреди улицы, рассматривая собственные пальцы. Сквозь намернувшиеся от смеха слезы Папст видел, как двое городских стражей, находившиеся неподалеку, направились к нему.

Где вы были пару дней назад, подумал он.

Первым его желанием было атаковать их, скрутить, стереть в порошок, однако Папст подавил порыв, быстро развернулся и побежал. Его жалкие лохмотья взметнулись в воздухе, захлопали на ветру. Стражи переглянулись и рванули следом.

- Стой! А ну, кому говорят!

Он бежал, и его лохмотья развевались за спиной, словно крылья хищной птицы. Позади слышались крики.

В какой-то момент перед ним выросла стена. Не обычная, сложенная из кирпича, а деревянная - такая сломалась бы от толчка, однако Папст не стал утруждаться и снес ее усилием воли. Обломки разметало в стороны.

Уже не было значения, видели это стражи или нет. Он несся через дворики, пересекал узкие улочки, нырял в подворотни и разносил один тупик за другим. В какой-то момент дервиш осознал, что хохочет словно безумный. Но что еще более удивительно - кто-то хохотал вместе с ним. Чей-то голос вторил его сумасшедшему смеху. Возможно, всего лишь эхо. Да, наверняка так оно и было.

Скрыться было легко. Стражи не собирались преследовать его вечно. Кажется, они сдались за ближайшим поворотом. Видели ли они, как он разнес тот забор? Может, поэтому и сдались?

Папсту было приятно думать именно так. Впервые в жизни его боялись, и осознание этого доставляло ему удовольствие. Чахлый «птенчик» превратился в коршуна. Пусть теперь попробуют насмеяться над ним! И все же дервиш понимал, что с его новыми способностями что-то не так. Все было слишком просто, так, словно он сам по чистой случайности обнаружил шарик под одним из стаканчиков в игре, где победа давалась только в том случае, когда того хотел сам ведущий игры. Черт возьми, а ведь он никогда не видел, чтобы кто-то выигрывал! Люди проигрывали последнюю рубаху, закладывали имущество, им не принадлежащее, воровали, чтобы хватило на последнюю ставку, и даже тогда им не везло. Шарик оказывался под другой чашкой, но чаще – у Папста в руке.

Но гораздо важнее было то, что дервиш понял в первые минуты после того, как стражники оставили преследование: его будут искать. Оторвавшись от погони, он несколько часов блуждал по сумрачным улочкам никем не замеченный и не узнанный. Он уже отточил свое новое умение на подковах, гвоздях и даже заборах, однако на живую, дышащую плоть направлял силу всего раз - тогда, в злосчастном тупике. И сила это была настолько разрушительной, что от троих грабителей практически ничего не осталось.

Временами его начинали одолевать странные образы, внезапно возникавшие в сознании. Больше всего они напоминали вспышки света в темном тоннеле. Свет этот был всех цветов радуги и перемещался будто живой. Кроме того, Папст слышал обрывки речи, вздохи и шорохи, но не мог понять, откуда они исходят.

Не было никаких сомнений, что все это как-то связано с эссенцией. Чью память она хранила?

Папст очень быстро понял, что ответ на этот вопрос может дать только хозяин флакончика.

Первое время он даже думал разыскать того человека. Но, во-первых, это означало бы сознаться в воровстве, а во-вторых, этот человек вполне мог бы потребовать возмещения ущерба. Или вовсе - сдать его стражам. Мог бы он с той же легкостью разрушить стены тюрьмы?

В какой-то момент во время его блужданий по темным закоулкам, под ноги Папсту шмыгнула крыса. Он послал импульс силы, и грызуна разорвало на части. После этого он почувствовал себя полностью обессиленным. Нужно быть более осмотрительным и тратить силу понемногу, частями.

В следующий раз на глаза ему попала кошка. Теперь Папст был осторожен и не стал мгновенно убивать животное. Вместо этого он «слегка поработал» над внешним видом зверька, сначала переставив местами передние и задние лапы, передвинув голову на бок, а затем и вовсе вытянув уже бездыханное тельце в тончайшую линию, так что все кости распределились по одной, строго горизонтально. Получившееся чудовищное *нечто* он растянул поперек улицы между двумя домами, попутно посмеиваясь над теми, кто рано утром обнаружит необычный сюрприз.

Затем последовало несколько бродячих собак. Папст подверг их еще более изощренным изменениям, попутно удивляясь, что не испытывает ни гнева, ни садистского наслаждения. Не сказать, чтобы он вообще ничего не чувствовал. Слабый интерес, легкое любопытство, с которым ребенок разглядывает бабочку необычного окраса - прежде, чем оторвать ей крылья. Внезапно мир вокруг показался Папсту странным и чуждым. Хотя могло быть и так, что это он стал чужим для этого мира.

В течение всей ночи Папст не встретил ни одного живого существа – ни человека, ни животного. Улицы, большие и маленькие, были пусты. За те несколько дней, что прошли с тех пор, как он принял эссенцию, весть об ужасной судьбе трех грабителей разнеслась далеко за пределы трущоб. Скорее всего, стражи уже сложили несколько фактов воедино. В следующий раз они могут не погнаться за ним, а просто выстрелить. Интересно, смог бы он остановить арбалетный болт в полете? В любом случае проверять не хотелось.

Блуждая, он оказался на пустыре за городом. Там горели костры – множество огней в окружающем мраке. Но ни по отдельности, ни все вместе они не могли разогнать настойчивые тени. Вокруг костров собрались люди. Многие грелись, кто-то готовил скудную пищу из объедков, картофельных очисток и всего, что можно было найти под ногами: корней, ягод, грибов и ароматных трав. Папст видел мужчин, женщин, детей, стариков. Люди всех возрастов собирались у огня, чтобы согреться.

Это был город за пределами города. При том он не являлся шумным, оживленным местом. Не было слышно ни пьяных криков, ни громких голосов, ни даже оживленной беседы. Люди перемещались между огнями словно тени, но по большей части просто сидели, понуриив головы или прикладывались к бутылкам – тоже в полном молчании.

У самой границы этого человеческого муравейника горел небольшой костерок, возле которого сидели двое: одетый в лохмотья старик с длинной седой бородой, и ребенок. Присмотревшись, Папст понял, что это девушка, почти подросток, но с коротко подстриженными как у мальчика волосами. Лицо ее было грязным, перемазанным сажей, а бесформенная одежда явно не по размеру, скрывала девичьи черты. Папст подумал, не специально ли это было сделано, чтобы оградить еще совсем юную девушку от посягательств? Наверняка в этом импровизированном городе бедняков процветало воровство, грабежи и прочее насилие. Вот почему даже сидящие у общего костра люди не разговаривали, и каждый сторонился другого. Тем не менее, когда Папст приблизился, старик помахал ему рукой, приглашая к костру.

Папст не видел причин отказываться.

По сравнению с другими этот костерок был небольшим, ведь дрова, хворост или даже мусор, который можно было сжечь, тоже не валялись под ногами. Однако невзирая на это, старику и девушке удалось приготовить ужин. Как только Папст опустился на землю рядом, в руки ему легла деревянная миска с жидким, но ароматным варевом.

Только сейчас он понял, насколько голоден. Уплетая похлебку, он старался вспомнить, когда ел в последний раз. Вокруг витали самые разные запахи, и не всегда приятные, ведь те, кто вынужден был жить под открытым небом, не только готовили здесь пищу, но и спали, ели, справляли нужду. Тем не менее сидеть у костра было уютно. На какое-то время Папст выбросил из головы события ближайших нескольких дней и словно бы прокрутил время назад, к тем дням, когда так же сидел со стариком Синпарнасом.

Старик завел беседу первым. Девушка молчала. Папст по большей части кивал или отвечал односложно, пытаясь одновременно не показаться неприветливым. Когда тарелка опустела, Папст посетовал на то, что ему нечего добавить к общему столу и тут же получил добавки.

Эти люди наверняка не были богаты. Вполне могло быть, что это поздняя трапеза была первой на сегодня. И все же они не скупилась. Вещей у них было немного – лишь небольшая торба у девчонки и длинный посох у старика. Наметанный глаз Папста определил, что они в пути не один день. Бежали от чего-то? Искали лучшей жизни? Судя по всему, они примкнули к здешней публике недавно и нуждались в ком-то, с кем можно было разделить ночлег. В ком-то, кто одним своим присутствием отпугнул бы охочих до легкой наживы воришек.

Что ж, так или иначе Папст был благодарен старику и его спутнице за гостеприимство. В какой-то момент он, насытившись и согревшись достаточно, даже задремал под тихую болтовню старика.

Постепенно огонь в очаге догорел. Теперь лишь десяток красных углей подмигивали из пепла. Догорели и другие костры. Трепещущие призраки, которые при свете дня были людьми, а в нынешнем мраке превращались в бесплотные тени, жались ближе к постепенно умирающим очагам.

Папста разбудил легкий толчок. Он открыл глаза и обнаружил, что девушка притягивает ему пригоршню чего-то. Присмотревшись, он обнаружил, что на ладони у нее лежат ракушки, пара птичьих косточек, несколько кусочков дерева, какие-то корешки. Очевидно, девчонка хотела, чтобы он взял что-нибудь на память.

Только сейчас он понял, что за все время она не проронила ни слова. Скорее всего, девчонка была немой. То, что с легкостью можно было сказать словами, она выражала с помощью взгляда и мимики.

Папст взял несколько предложенных вещей: пару ракушек, одну или две косточки и принялся разглядывать. Ничего ценного в них не было, однако, судя по всему, для девчонки они имели смысл.

Он не знал, что сказать, поэтому просто кивнул. Неизвестно, было ли его движение заметно в отблесках гаснущего костра, но почему-то в этот момент любые слова казались излишними.

Вокруг стояла такая тишина, что можно было услышать, как потрескивают угли. Папст различал храп людей, стоны и тихие проклятия, с которым кто-то ворочался на голой земле, служившей ему постелью. Все это напоминало о постоялом дворе, откуда он недавно бежал.

Он все еще рассматривал ракушки и косточки, но затем, повинувшись внезапному порыву, призвал силу. С помощью нового умения он поднял предметы над ладонью.

Раздался тихий возглас «ох!», и девушка прикрыла рот рукой. Тем временем Папст заставил предметы выстроиться в круг и закружиться в воздухе над его рукой, словно в хороводе. Воспоминания о кошке, которая страдала в последние минуты своей жизни, мелькнули в его сознании, но он отогнал их.

Движение предметов все ускорялось, пока не превратилось в настоящий вихрь. Старик проснулся, сел, опираясь на свой посох, и теперь молча наблюдал за действиями Папста. Тем временем Папст остановил вращение предметов и выстроил их в вертикальную линию, один над другим.

Девушка так и не отняла руку от рта и продолжала сидеть с широко раскрытыми от удивления - или от испуга, - глазами. Старик лишь неодобрительно покачал головой.

Неожиданно это разозлило Папста. Ведь он хотел всего лишь развлечь спутников небольшим представлением. А что в ответ? Дед бормочет себе под нос что-то явно осуждающее, а девица так и вовсе чуть не падает в обморок от страха.

Папст позволил предметам упасть на его ладонь, а затем сжал кулак. Он ожидал услышать хруст раковин и костей, но они оказались слишком крепкими. Вместо этого он услышал странный звук, доносящийся из темноты – то ли всхлип, то ли стон. И почти сразу его охватила волна тревоги. Инстинкт подсказывал бросить все и бежать прочь от света догорающих костров, подальше от этого бедняцкого города. Он видел испуганный взгляд девушки напротив и понимал, что и сам сейчас выглядит не лучше.

Происходило нечто странное. Вытянув шею и присмотревшись, Папст стал свидетелем жутковатого танца теней глубоко в полумраке. Танцоров было несколько. Они уверенно перемещались от одного костра к другому, нагибались, распрямлялись и шли дальше, как люди, занятые рутинной работой. Он понял: на лагерь напали.

Кем бы ни были нападавшие, их целью был не грабеж, а убийство. А стоны, что он по-прежнему слышал, были звуками, с которыми мирно спящие люди встречали смерть.

Папст пытался предупредить девчонку, но слишком поздно вспомнил, что, скорее всего, она лишена не только способности говорить, но и слышать, а в окружающем полумраке человек даже с наилучшим зрением был не в состоянии читать по губам.

Раздались первые крики. Видимо, кто-то все же проснулся. Люди вскакивали на ноги, в нескольких местах взметнулось пламя костров, вырвав из темноты несколько жутких сцен: протянутые руки, мертвые и умирающие люди, кровь на земле... И между всем этим - несколько фигур в черных одеяниях, блеск холодной стали и кожаных доспехов.

Оружие было у единиц, еще меньше людей умели им пользоваться. Папст видел, как две фигуры сцепились и рухнули в костер. Рядом метался и кричал человек в пылающей одежде. С противоположной стороны здоровяк в лохмотьях поднял в воздух одного из нападавших, а затем резко опустил себе на колено, ломая позвоночник. Отвратительный хруст был слышен даже сквозь крики и звон стали.

Папст не заметил, как и сам оказался на ногах. Ноги готовы были нести его прочь.

Но что же старик и девчонка?

Их костер был на самом краю этого города бедняков, с противоположного края от того места, где бесчинствовали убийцы. Однако Папст не сомневался, что очень скоро те доберутся и сюда.

Как горячий нож сквозь масло, подумал он.

Внезапно фигура одного из нападавших выросла прямо перед ним.

Это был человек исполинского роста. Голову его закрывал стальной шлем, за которым пылали угли глаз. Там, где полагалось находиться прорези рта, была усеянная острыми шипами дыра. То и дело в нее высовывался трепещущий алый язык.

Папст смотрел, как от черной брони воина поднимается густой пар.

Чудовищный рост, огромный меч и дымящаяся броня были не единственными пугающими элементами. На поясе воина находилось что-то вроде юбки из множества толстых лент... Только мгновение спустя Папст понял, что это не ленты, а человеческие руки, привязанные к поясу за пальцы. Чудовищная бахрама двигалась при каждом шаге воина, при этом часть конечностей волочилась по земле.

Воин взмахнул широким мечом, больше напоминавшим лезвие мясницкого ножа, и снес старику голову. А затем, как будто этого было мало, в продолжение движения все то же лезвие отсекло девушке одну из протянутых в немой мольбе рук.

Папст ринулся на помощь, но поздно: на втором взмахе гигантский меч разрубил девичье тело пополам.

В лицо дервишу брызнула кровь, мгновенно окрасив мир красным. В этом алом свете он видел, как лезвие чудовищного тесака вспарывает воздух над его головой и успел подумать: раз меч похож на мясницкий нож... то, кем в таком случае является *он сам?*

Глава 7. Все дороги ведут в никуда

До этого Рашка и не подозревал, насколько губительной может быть комфортная, спокойная жизнь. Возможно, стоило хоть иногда вспоминать, что все может в одночасье закончиться, и тогда придется бежать, скрываться, запутывать следы...

О чем-то таком он подозревал всегда, но не думал, что перемены могут случиться *так* скоро. Вот ты охотник, выходящий на промысел темными ночами, а на завтра – уже и сам жертва. В мире пауков нередко крупные особи поедают более мелких. Закон выживания прост: убивай или будь убит. От охотника до жертвы один шаг. И, похоже, совсем недавно Рашка его сделал.

Он больше не был просто беглецом, за которым рано или поздно перестанут гоняться. Нет: теперь он стал одним из опаснейших преступников. Убийцей. Чудом избежавшим утилизации модификантом. Припомнят ему и бомбу в повозке, и смерти как минимум десятка заворашских солдат.

На самом деле идея взять с собой взрывчатку пришла Рашке спонтанно. Теперь, благодаря удачно подстроенной ловушке, он ушел далеко вперед.

И все же, любых расстояний было недостаточно. Рашка понимал, что его преследователей станет больше, а номарх не остановится на середине пути.

Поэтому он спешил, как мог. День постепенно сменился сумерками, дым позади рассеялся, а новое облако пыли, которое могло бы свидетельствовать о другом отряде преследователей, не появилось. В конце концов Рашка свернул с главной дороги, потом еще раз и еще.

Понемногу пустошь стала обрастать чахлыми кустиками, небольшими деревцами. Наверное, он мог бы даже насобирать на растопку и зажечь небольшой костер, чтобы отдохнуть и согреться, но не стал этого делать.

И он продолжал идти. Его халат давно запылится, шляпа сползла на бок. Темные очки только мешали обзору, поэтому Рашка снял их. Бояться, что ему внезапно повстречается путник, не было нужды. Путников Рашка не видел уже очень давно.

В какой-то момент он набрел на неглубокое озерцо. Тут и там из воды торчали стебли болотных растений. Разогнав плавающие на поверхности листья и грязь, паук смочил лицо и шею. Вода отдавала гнилью и тиной. Так вот чем пахло от бродяги, что заявился недавно к нему в лавку! Наверняка тот предварительно искупался в такой же жиже.

Рашка двигался почти всю ночь, прежде чем усталость наконец одолела его. Болело все: паучьи конечности, позвоночник, голова. К тому же он внезапно вспомнил, что давно не ел, а все его запасы остались в лавке. Вокруг, как назло, не было подходящего места для ночлега. И все же Рашка решил искать до последнего. В какой-то момент, завидев группу крупных валунов, он свернул с дороги. Сев прямоком на голую землю, он на минуту закрыл глаза, а когда вновь открыл их, вокруг был день и солнце стояло уже высоко.

Пауки, а тем более пауки-модификанты, могут довольно долго обходиться без пищи. Гораздо хуже Рашке приходилось без смены одежды и элементарных удобств, к которым он привык за годы безмятежной жизни. К началу второго дня он готов был на все, чтобы вновь оказаться в любимом кресле за прилавком. Однако лавочником ему, видимо, уже не быть. По крайней мере, не в Завораше. В городе он имел в достатке чистую холодную и горячую воду, у него были собственная постель, крыша над головой. Сейчас же он всего этого лишился.

После ночи, проведенной у камня, его тело болело. Одежда выглядела грязной и пыльной, подол халата истрепался. Еще немного – и Рашка сам станет походить на нищего, которого повстречал недавно.

При воспоминании о дервише зубы Рашки судорожно сжались. Уже несколько раз его мысли возвращались к крохотному человечку. Кем он был? Настоящим нищим? В это Рашка не верил хотя бы потому, что встречал за свою жизнь достаточно бедняков, бездомных, калек, попрошаек и прочих. Всех их роднило одно: взгляд. Обычно это был затравленный взгляд сломленного человека. Того, кто потерял все, включая надежду, а она, как известно, умирает последней. В глазах таких людей нельзя обнаружить ничего кроме пустоты.

В глазах повстречавшегося ему типа читалось нечто иное. Рашка долго подыскивал подходящее слово... *Вызов*? Трудно сказать. Одного взгляда хватило, чтобы понять: перед ним не обычный скиталец, вынужденный питаться объедками и жить под открытым небом...

Теперь Рашка знал точно, что не ошибся...

Место его ночлега осталось далеко позади, и Рашка вновь был в пути. Спустя какое-то время он остановился и, сняв шляпу, принялся утирать пот со лба. Темные пятна на его голове тем временем перемещались. Случайный наблюдатель, оказавшись он рядом, увидел бы, как по лысому черепу толстяка скользят тени. И не просто скользят, а принимают формы. В их облике то и дело проскальзывали фигуры животных, очертания материков, цифры, буквы и даже целые слова. Впрочем, прочесть что-либо у предполагаемого путника все равно не получилось бы: Рашка вновь нацепил шляпу на голову. Свисающие с полей кисточки скрыли его лицо.

Путешествующий священнослужитель, вот кого он напоминал. Подобные шляпы и длинные халаты как раз и носили церковники, а фиолетовый, агатовый и красный, особенно в сочетании с черным, были цветами Всевоплощенного.

Однажды Рашка убил и поглотил священника, так что, как ему казалось, имел полное право изображать одного из них. К слову, тот священник оказался крепким парнем и прожил дольше остальных, пребывая в сознании, пока его внутренности переваривались под воздействием впрыснутого пауком желудочного сока.

Эти воспоминания внезапно перенесли его на десятилетия назад. Во времена, когда война только закончилась, и он, чудом сбежав с фронта, блуждал среди мёртвых деревень и пустынных развалин.

Годы назад.

Без знания дорог ему пришлось туго. Однажды дорога завела его в болото, другая вообще обрывалась неизвестно где, прямо посреди пустыря. Уже потом Рашка понял, что недавно здесь располагался монастырь или чье-то поместье, от которого не осталось даже руин – стены уничтожило взрывом и последующим пожаром.

Покопавшись в траве, он обнаружил несколько предметов: металлическую проволоку, кусок сгоревшего дерева, монету и необычный прямоугольный камень, гладкий с одной стороны – кусок кафеля для облицовки стен. Все это не представляло никакой ценности для паука-модификанта, только что сбежавшего из армии.

Война закончилась совсем недавно и пока трудно было сказать, кто одержал победу, а кто потерпел поражение. Пожалуй, стоило спросить у выживших. К несчастью, их осталось не так уж много. Вспышки разрывных снарядов давно погасли, ожоги и рывтины, оставленные на земле гусеницами, зарастали зеленой травой, а армии разбрелись кто куда. Наверное, не так уж много модификантов уцелело, еще меньше – попыталось сбежать.

Он слабо представлял себе куда идти и что делать. Возможно, стоило найти укрытие, какое-то временное пристанище, в котором можно было бы прийти в себя, отдохнуть и спланировать будущее хотя бы на несколько дней вперед.

И тут, тщетно обыскивая руины, Рашка подумал о подвале. У каждого дома обязан быть подвал. И он принялся тщательнее осматривать заросли. Попутно наткнулся на мусор: здесь его было много, гораздо больше, чем показалось вначале. Встречались и горки кирпичей – то, что осталось от стен. Наконец среди нескольких таких горок, торчащих из травы словно треугольные зубы хищника, Рашка обнаружил вход в подземелье.

Поначалу он увидел только узкий лаз, давно заросший травой и засыпанный мусором, но подобравшись ближе, понял, что лаз достаточно широк для того, чтобы в него можно было протиснуться человеку его комплекции. Это открытие сопровождали два других: во-первых, Рашка понял, что вход в подвал намеренно замаскирован, а во-вторых, внутри было сухо, просторно и даже комфортно, если называть комфортом выстеленный сухой травой пол и лежак с тонким одеялом.

Все это не выглядело заброшенным. На одеяле не было следов плесени, к тому же рядом с импровизированным ложем нашлись кое-какие вещи: металлический котелок, хворост, заранее заготовленные дрова. Судя по срезу, рубили деревья не топором, как полагается, а долго и упорно секли ножом или, скорее всего, чем-то наподобие штыка.

Еще один дезертир? Возможно. Убежище было обустроено по-армейски просто и вместе с тем эффективно. Вспомнить хотя бы, сколько Рашке понадобилось времени, чтобы отыскать вход в подвал. А еще это место идеально подходило для того, чтобы переждать некоторое время. Единственным препятствием было то, что хозяин убежища мог вернуться в любой момент.

И не просто «хозяин» - *хозяйва*! Обитателей убежища вполне могло оказаться больше одного. И даже несмотря на это, Рашка решил испытать удачу. Притаившись в глубине подвала, он принялся ждать.

Рашка узнал о приближении хозяина убежища задолго до его появления. Каким образом – он так и не понял. Одно паука знал точно: что не один, и что где-то рядом находится другой модификант.

Рашка ударил первым. Как только неизвестный показался в узком лазе, он атаковал: рубанул одной из деревяшек, заготовленных для костра, по голове чужака. Раздался стон, но движение хозяина убежища не замедлилось.

Судя по всему, это был крупный тип. И стоило ему проникнуть внутрь, как он навалился всем своим огромным весом на Рашку. Оба рухнули на земляной пол, подняв облако пыли и соломы.

Времени размышлять не было. Единственное, что Рашка успел понять – это что противник не похож на него. Другой модификант, но заметно отличающийся своими «нечеловеческими» признаками... Гладкая безволосая кожа, холодная на ощупь... Слишком холодная, и, пожалуй, слегка влажная. В темноте и тесноте подвала, на ковре из сухой растительности, которая то и дело скользила под ногами, Рашка только и мог, что обхватить противника за шею и попытаться применить один из приемов, которые освоил еще до армии... Однако шея незнакомца оказалась слишком толстой. В это время сам Рашка ощутил, как что-то пытается добраться до его собственной шеи. В то время как обе руки противника были заняты тем, что пытались разжать убийственный хват паука, что-то скользнуло по лицу Рашки. Один раз, другой. Некой животной частью сознания, осознававшей все и вся, паук отметил ударивший в ноздри горький запах. Так мог пахнуть сок ядовитого растения.

В третий раз прикосновение было более ощутимым. Рашка почувствовал, как его шею захлестывает мясистая удавка. При этом она была холодной, слегка влажной и одуряюще пахла все той же горечью. Следом за первой петлей на шею легла другая. Это было похоже на то, как змея душит свою жертву, оборачиваясь кольцами, пока несчастная не задохнется. И тут все встало на свои места. Как и Рашка, хозяин подвала был модификантом. Однако если Рашке

достались части тела паука, то этому бойцу, видимо, посчастливилось обрести черты змеи. И сразу в подтверждение этой догадки рядом раздалось шипение.

На краткий миг он разглядел и противника: длинная шея, удивительно короткие руки, ноги и... что-то, что могло быть только хвостом. При модификации этого воина использовали не змеиное тело, а специально выращенные части ящерицы. Кожа модификанта была бледной, словно от недостатка солнечного света, на руках имелись когти, но не такие, которыми можно было наносить удары, а широкие лопатообразные образования – такими удобно рыть землю. И тогда Рашка понял: этот подвал был не просто убежищем для модификанта. Обзавестись норой в земле, где можно пережить дневные часы, было частью его природы. Рашка не удивился, если бы узнал, что в военное время подобные «солдаты» рыли глубокие траншеи и прокладывали туннели прямо через позиции противника.

Тем временем удавка на шее сжималась все сильнее. Кроме того Рашка ощутил и еще кое-что: там, где его рук, лица и шеи касалась плоть человека-ящерицы, его собственная кожа начинала гореть. Значит, этот модификант не просто выделял яд, а был покрыт им! Неплохой способ самозащиты.

На удивление медленно Рашка осознал, что полено, которым он нанес удар по голове человеку-ящерице, по-прежнему у него в руке. Он замахнулся и ударил еще раз.

Он бил, пока мясистая удавка на его шее не ослабла и в итоге не отпала. Всего понадобилось около дюжины ударов, за которые человеческая голова модификанта превратилась бесформенное месиво.

Покончив с противником, и как следует отдышавшись, Рашка выбрался наружу, таща ящерицу за хвост.

Руки, ноги, шея, грудь модификанта напоминали человеческие, и одновременно были похожи на части тела ящерицы. На модификанте была одежда, но настолько старая и грязная, что невозможно было определить, дорогой или дешевой она была раньше. Была ли это военная форма?

В убежище ящерицы Рашка прожил чуть больше месяца. Однажды ему удалось поймать одинокого путника. Тот, как и он сам, набрел на руины случайно. Им он питался несколько недель, подготавливаясь и собираясь с силами.

К несчастью, тот человек оказался беглым преступником, которого разыскивали сразу несколько вооруженных отрядов. Рашке повезло, и он заметил преследователей раньше. Несколько часов он петлял перед самым многочисленным отрядом, пытаясь направить его по ложному следу, а затем обходным маршрутом вернулся в свое убежище.

Погоня ушла в неверном направлении, но больше задерживаться в убежище Рашка не мог. Он покинул подвал в тот же день и бежал, слыша за спиной лай собак.

Настоящее время

Любые дороги куда-то ведут. Вскоре Рашка увидел впереди очертания города. К тому времени он стер ноги, смертельно устал и готов был буквально рухнуть без сил.

Вспоминая события почти двадцатилетней давности, он думал, что выглядит в точности как тот модификант, которого ему пришлось убить в подвале: грязный, изможденный.

Когда он подошел к городу, было уже далеко за полночь. Вокруг на многие версты раскинулись поля, за ними начинались крестьянские дома и мастерские ремесленников. Стен у города не было, но виднелись несколько высоких башен. Скорее всего, они служили пожарными вышками. В центре города на возвышении за горбатыми домами горожан стояло несколько двух и трехэтажных домов. Очевидно, это были здания торговой фактории и городской администрации.

В городе имелась своя стража. Не то, чтобы стражники знали всех горожан в лицо, однако появление чужака неизменно вызвало бы множество вопросов. А паук рассчитывал проник-

нуть в город как можно незаметнее. Придется где-то останавливаться на ночлег, питаться обычной, человеческой пищей, посещать людные места вроде рынка или городской площади, но все это можно делать, соблюдая инкогнито. В конце концов, одежда у него была хоть и пыльной, но отнюдь не нищенской, и он худо-бедно мог сойти за путешествующего аристократа. Вот только никто из аристократов не передвигался по дорогам пешком...

Рассказывать об ограблении в пути или чем-то подобном тоже не стоило. Ведь в таком случае нужно было требовать от местных властей поиска и наказания предполагаемых преступников, что по понятным причинам не увенчались бы успехом.

До утра Рашка не входил в город, прикидывая, как лучше это сделать. Не придумал он ничего и на рассвете. Дело в том, что годы тому, сразу после войны, люди, бредущие по дорогам, не были редкостью. Сейчас любой странник привлекал внимание. Особенно обладатель такой внушительной фигуры, как Рашка.

Он не знал, велась ли за ним охота. Не знал, сообщили ли люди номарха о беглеце в другие города. Возможно, в этом городе его уже ждут. Возможно, солдаты нападут на него сразу, как только заметят. К сожалению, у него не осталось больше трюков. Даже оружия нет, за исключением того, которым наградила природа... и скальпель модификант-хирурга.

К счастью, ему удалось отыскать убежище. Это был укромный уголок под самой крышей скромно стоящего в стороне амбара. На первый взгляд зданием давно не пользовались, но Рашка решил не тестить себя напрасной надеждой, и принял ряд предосторожностей.

Долгое время он наблюдал за амбаром, прежде чем удостовериться, что тот действительно пуст. Оказавшись внутри, он вскарабкался под крышу, повис на балке и некоторое время примерялся: удастся ли обустроить здесь временное убежище. В конце концов амбар был едва ли не самым высоким строением в округе. С его вершины открывался вид на окрестности города.

Некоторое время Рашка наблюдал за жизнью внизу сквозь щель в досках, но так и не нашел для себя ничего интересного. Да и что интересного может быть в труде крестьян?

Только однажды по дороге к городу проскакал всадник в одежде цветов номарха. Какие новости он вез?

Раз или два из города по дороге между полями проезжали повозки, несколько почтовых карет, а также бесчисленное множество крестьянских телег. Рашка пришел к выводу, что занял надежное место.

На второй день в амбар забрела кошка. Очевидно, мыши – ее основная пожива, давно облюбовали здешние места, поэтому мохнатый охотник явился к укрытию Рашки не без причины. Как известно, у кошек не только острый нюх, но и необыкновенно острое чутье. Известно, каким образом, но животина ощутила присутствие паука еще у самого порога.

Окажись она проворней – и могла бы сбежать. Однако как известно, любопытство сгубило кошку. Те несколько секунд, на которые хищник, считавший амбар своей территорией, решил задержаться и выяснить, в чем была причина смутного беспокойства, стали для него роковыми. Воспользовавшись кратким замешательством животного, Рашка атаковал.

Теперь у него был не только приют, но и пища – на несколько ближайших дней.

Глава 8. Короткие руки правосудия

Человек в черном стоял, опустив голову, и смотрел на то, что осталось от повозки и тел дюжины солдат.

От некоторых не осталось ничего, кроме груды обугленных костей. Других еще можно было узнать по клочкам не полностью сгоревшей формы.

Больше всех досталось капитану. Очевидно, он оказался ближе всех к эпицентру взрыва: его тело просто испарилось. Сохранилось лишь несколько кусочков металла – все, что осталось от некогда изящного эфеса шпаги.

Выживших не было. Не повезло всем, однако некоторым – тем, кого не убило взрывом в первые мгновения, посчастливилось и того меньше. Еще некоторое время они мучились, и рядом не было никого, кто мог бы им помочь. В итоге смерть пришла и за ними.

Не то, чтобы Дагалу было дело до всех этих солдат. Разумеется, настоящий Дагал испытывал бы целую гамму чувств: от разочарования до злости. Однако Ош, контролировавший теперь не только разум, но и чувства начальника тайной службы номарха, мог лишь одеть маску, примерно представляя себе, как должно выглядеть проявление тех или иных эмоций.

Получалось не лучшим образом, поскольку наблюдавшие за ним солдаты отшатнулись, стоило Дагалу поднять голову. В этот момент на его лице парадоксальным образом сочеталась злость пополам с неким другим чувством, которое очень приблизительно можно трактовать как растерянность.

На самом деле Дагал, а вернее сказать, Ош, нечто подобное и испытывал.

Странное существо вновь ускользнуло от него. Получалось, противник обошел его дважды.

Он издал сдавленный рык и внезапно на глазах подчиненных принялся топтать то, что осталось от несчастных солдат.

Кости трещали и ломались под ногами, обожженная кожа лопалась. Апогей уничтожения пришелся на останки солдата, от которого сохранилась лишь верхняя часть туловища. В какой-то момент Дагал-Ош прыгнул, и обе его ноги погрузились в тело покойного. Во все стороны брызнула отвратительная жижа, которая раньше была кровью и внутренностями несчастного. Солдаты в ужасе отшатнулись. Один или два, не выдержав зрелища, блевали в стороне.

Дагал тем временем как ни в чем ни бывало высвободил из цепкой хватки реберных костей трупа сначала одну, затем другую ступню. Обе его ноги по щиколотку были покрыты толстым слоем крови, внутренностей и разорванных в клочья легких. К двум блюющим солдатам присоединилось еще несколько.

Дагал же с невозмутимым видом извлек из кармана белоснежный платок, вытер пот со лба. Затем, заметив на руках несколько капелек крови, стер и их, а платок отшвырнул в сторону.

- Итак, – сказал он абсолютно спокойным голосом, – Что же мы постоянно упускаем?

На самом деле выходка Дагала здорово напугала всех его спутников. Ползли слухи: тот, кого они преследовали, не был человеком.

Об этом рассказывали шепотом, ничего толком при этом не говоря. Упоминался лишь похожий на кокон предмет, который они обнаружили в лавке старьевщика. Внутри находились останки, похожие на человеческие. Нет, говорили другие, не совсем *останки*, ведь тот человек все еще был жив. Но громче всех звучал голос солдата-выскочки.

Раз за разом Дагал замечал, как выскочка пристально смотрит в его сторону, будто в попытке разглядеть что-то. Иногда он оказывался рядом, слишком близко, словно хотел почувствовать исходящий от Дагала запах или прислушаться к его дыханию. Это начинало раздражать.

Из разговоров выяснилось, что выскочку зовут Коч. Кроме того, стало понятно, что он не пользуется популярностью у остальных солдат. Скорее, те считали его скользким мелким подхалимом. Похоже, недавняя выходка Дагала позабавила его. Думая, что никто этого не видит, Коч подошел к труп, которому недавно досталось от Дагала, и, присев рядом, некоторое время разглядывал тело. Затем покачал головой.

Смысла оставаться на месте не было, и поэтому Дагал отдал приказ выдвигаться. Вскоре останки повозки и несчастных солдат остались позади. Возможно, позже найдется кто-то, кто позаботится о телах, но не стоило на это слишком рассчитывать.

Дагал отправил вперед группу солдат. Вскоре они вернулись с новостями: неподалеку обнаружили странные следы. С этого момента отряд прибавил ходу. А спустя какое-то время они увидели бредущего по дороге преступника, преследовали его по заросшей невысокой травой пустоши и наконец настигли.

Глава 9. Раздор внутригласия

Таинственная сфера вела его всю дорогу. Побывав у поместья родителей, Спитамен бежал. Не то, чтобы он боялся этой встречи, просто в этот момент ему пришло в голову, что в этом доме с желтыми балкончиками уже нет для него места.

Блудный сын не вернется, думал Спитамен Нивиль.

Бежал он еще и потому, что не мог видеть мать. За годы жизни с человеком, которым был Арзименда Нивиль, эта некогда высокая, стройная и полная энергии женщина превратилась в изможденную, ссутуленную старуху. Запертая в поместье за пределами города, Скламена Нивиль превратилась в пародию на саму себя.

Как только Спитамен оставил за спиной родительский дом, оборвалась единственная нить, связывающая его с прошлым. Он оставил позади все: детство, жизнь в Завораше, даже зависимость, преследовавшую его последние годы. Он больше не нуждался в белой смоле, а мысли о наркотике не вызывали в нем никаких эмоций. Кек ушел в прошлое, как и все остальное.

Кроме сферы.

Таинственный кругляш в его руках интриговал все больше. Иногда, устроившись на отдых где-нибудь на обочине дороги, Спитамен часами разглядывал переливы света внутри необычного шара. Всегда разные, всегда находящиеся в движении. В какой-то момент он подумал, что перед ним лежит целый новый мир, такой же огромный, как и тот, что был вокруг. В этом мире было все: живое и неживое, дух и материя, даже своя история. Время там шло по-другому... А может, времени внутри сферы и вовсе не существовало. Фантазии уводили все дальше, и вот уже Спитамен представлял себя Всевоплощенным, вззирающим на мир сверху.

Вскоре Спитамен осознал, что ни разу не отрывал от таинственной сферы рук, все время поглаживая, перекатывая ее на ладони, поднося то к свету, то наоборот, скрывая в тени, чтобы в деталях рассмотреть внутреннее свечение.

Идти по дорогам было не так просто, как он себе воображал. До этого Спитамен передвигался пешком по городу, но это оказалось совсем иным делом.

Как непохожа городская мостовая на пыльный тракт! Дороги за пределами Завораша не были ни прямыми, ни ровными. Часть из них постоянно петляли, часть то и дело норовили уползти в гору или напротив, скатиться в глубокий овраг. Иногда, оказавшись на очередном перекрестке, Спитамен решал, куда идти дальше. Три дороги, исключая ту, что осталась позади – и все неведомые. Тогда на помощь приходил шар – становясь то теплее, то холоднее в сжимаемой его руке, он подсказывал верное направление.

Чем дальше он отходил от Завораша, тем безлюднее становилась местность. Несколько дней подряд ему не попадалось ни единого путника. Населенные пункты также встречались нечасто. В основном это были крохотные деревеньки, и некоторые из них были давно покинуты своими обитателями.

Произошло это в годы войны с Ахероном или позже, Спитамен не знал. Некоторое время он боялся сворачивать в сторону таких деревушек – мало ли кого можно повстречать в развалинах? Однако со временем осмелел и осторожно приблизился к одной из них.

Основной причиной было то, что ему надоело ночевать под открытым небом. Да, в Завораше он спал на улице, но это было совсем другое. В городе, даже в самой гиблой его части, всегда находился источник света: газовые фонари на улицах и масляные лампы в окнах, отсветы свечей, пробивающиеся сквозь щели в ставнях домов и крохотные огни лучин, с помощью которых бедняки освещали свои утлые каморки.

Здесь, вдали от города, ночь была *абсолютной*. Она была черной, непроницаемой, и даже свет звезд не мог рассеять окружающего мрака. Просыпаясь задолго до рассвета, Спитамен лежал с открытыми глазами, думая, что утратил зрение. Повисшая перед ним тьма была словно толстое одеяло, накинутое на голову. Она была настолько чернильной и густой, что в ней трудно было даже дышать. Казалось, с каждым вдохом он втягивает понемногу этой черной пустоты, и вот уже совсем скоро она заполнит его всего изнутри... Итак, однажды Спитамен решил рискнуть и свернул к одной деревушке.

Спитамен скользнул в тенистую долину, стараясь избегать острых камней и колючих кустарников. Там, посреди высохших полей, он увидел несколько давно заброшенных хижин. Крохотное поселение трудно было даже назвать деревней, однако раньше здесь стояло пара добротных сделанных домов на несколько семей, видимо принадлежавших состоятельным крестьянам, и два десятка жилищ поскромнее. От последних сохранились лишь торчащие в небо остовы. Внутри не сохранилось ничего: никаких остатков мебели или домашней утвари. Наверняка, даже в те времена, когда в деревне жили люди, обитатели этих домов были слишком бедны, чтобы позволить себе какие-то вещи, кроме самых необходимых.

В домах покрупнее окна были разбиты, стены покрыты плесенью, трава проросла между трещинами в камнях. Серость и тишина деревни вызывали у Спитамена странное чувство тревоги.

Приближаясь, он почувствовал, как его сердце забилося сильнее. До этого он видел несколько подобных деревень – на расстоянии, но и подумать не мог, насколько пустынным и безжизненным может оказаться такое место. Почему жители покинули свои дома? От чего бежали? Одного беглого взгляда хватило, чтобы он передумал здесь останавливаться. И все же что-то подталкивало его вперед.

В самом сердце деревни он обнаружил огромную яму. Она была заполнена... человеческими костями.

Спитамен осторожно приблизился к яме. Кости лежали в беспорядке, словно кто-то просто бросил их туда. Черепа треснули и были покрыты пылью, скелеты разбросаны.

Это были кости людей разных возрастов. Спитамен ничего не мог сказать о тех, что принадлежали взрослым – они могли быть как костями мужчин в расцвете сил, так и костями глубоких стариков. Однако он отчетливо видел перед собой те, что, по его мнению, могли принадлежать детям. Некоторые были совсем крохотными.

Яма была неглубокой, и кости лежали почти у самой поверхности. Это означало, что людей клали одного на другого, пока яма не заполнилась. Закапывать или хотя бы присыпать землей их не планировали. А может и планировали изначально, однако число смертей стремительно росло. Тогда почему не выкопать вторую яму?

Только если уже не было кому выкапывать...

Спитамен опустился на колени. Он мог дотянуться до костей рукой, если бы захотел. Сколько здесь было полных скелетов? *Двадцать? Тридцать?* В такой яме могло бы уместиться все население деревушки. Взгляд Спитамена блуждал по сваленным грудой костям, пытаясь обнаружить следы насилия... Но он ничего такого не видел. Ни расколотых черепов, ни переломанных и изрубленных костей.

Внезапная догадка заставила Спитамена отшатнуться.

Белый тлен.

Кошмарная болезнь, поразившая Завораш и окрестности десятилетие назад. Жертв было столько, что о напасти помнили по сей день, а многочисленные городские кварталы, которые выкосила чума, до сих пор остались заброшенными.

Никто до сих пор не знал, как передавалась болезнь. Первыми симптомами заболевания были усталость, головная боль, боль в суставах. Затем на теле появлялись небольшие пятна. К концу второго дня пятна увеличивались, и на них прорастал белый пушок. Именно из-за этой особенности болезнь получила свое название. Пушок, который на самом деле был волосками неведомой плесени, очень быстро покрывал всю поверхность тела больного, превращая его в фигуру из белого пуха.

С этого момента заболевший оказывался обречен. Лица становились неузнаваемыми, тела усыхали и скрючивались: плесень высасывала из человека жизнь. Болезнь распространялась настолько быстро, что властям приходилось изолировать целые кварталы. Люди, не успевшие покинуть их вовремя, были обречены на смерть, а те, что покинули, но уже были больны, продолжили разносить белый тлен по городу...

Мысленно Спитамен проклял собственное любопытство и желание провести ночь под крышей. Кости в той яме были старыми. Прошло немало лет, как деревню покинули, но кто знает, сколько способна таиться и выжидать болезнь? В тот день Спитамен поспешил прочь от злосчастной деревни, до заката ушел довольно далеко, и уставший, свалился у небольшого камня в стороне от обочины. Ночь выдалась холодной, а камень, за день нагретый солнцем, грел до самого утра. Лишь с рассветом, едва разомкнув тяжелые веки, Спитамен продолжил путь.

Нет, он не заболел. Было бы верхом невезения подхватить заразу там, где уже много лет не было ни единой живой души. И все же Спитамен чувствовал себя так, будто стал жертвой неведомой напасти.

К сожалению, ее симптомы были хорошо ему знакомы, как и сотням представителей городской бедноты, вынужденных жить на улицах и питаться отбросами. Это было голод. То, что организм требует пищи, Спитамен осознал не сразу. Поначалу была эйфория от того, что его тело больше не нуждается в наркотике. Спитамен чувствовал себя сильным, окрепшим, способным на многое. Он шагал по дорогам весь день, а для сна ему хватало и пары часов. Затем он стал уставать все больше. Привалы становились чаще, а организм настойчиво чего-то требовал. Лишь спустя несколько дней после начала своего путешествия, которое больше напоминало бегство, Спитамен понял, как давно ничего не ел.

В тот день Спитамен едва дотащился до места, где мог бы безопасно заночевать. Это была низина, вокруг которой росло достаточно мягкого кустарника, пригодного на подстилку. И вновь над головой у него оказались звезды. Бродяга навсегда остается бродягой.

Чем дальше от Завораша он уходил, тем реже встречалось человеческое жилище, а дороги стали куда непроходимее. Некоторые из них истончались и наконец исчезали. Спитамену они напоминали высохшие вены наркоманов из числа самых пропащих, тех, кто предпочитает растворять белую смолу и вкалывать эту гадость в вены. Некоторые тропки заканчивались тупиками, пустыми колодцами, неглубокими оврагами или грудой межевых камней, некогда отмечавшей что-то важное, а теперь ставшей всего лишь еще одним неудобством на пути.

На пятый или шестой день Спитамен сел на такую грудку камней и принялся всматриваться в даль. То, что он видел перед собой, не было типичной картиной последних дней. Внизу, в стороне от дороги, по которой он шел последние несколько часов, раскинулся небольшой городок. Его словно специально поместили в ложбину между двумя холмами. Они прикрывали небольшой островок с домами, улочками и одним-двумя зданиями побольше не только от ветров с запада и востока, но и от любопытных взглядов.

Земля в низине была плодородной, к тому же холмы защищали посевы от палящего заворашицкого солнца. Из всего увиденного Спитамен сделал вывод, что дела у здешних землепашцев идут неплохо: поля засеяны и ухожены, а в городе и окрестностях то и дело снуют фигурки людей и груженные товарами повозки.

Было, однако, кое-что, что не понравилось Спитамену. С такого расстояния трудно было различить детали, но по блеску металлических наконечников на копьях или частей нагрудников, он опознал городскую стражу.

Пусть не красные мундиры Завораша, но все же. Отношение к бродягам везде одинаковое. В лучшем случае их прогоняли, в худшем же... Однако Спитамен не стал развивать эту мысль. Одежда на нем была потрепанной и пыльной, но добротной. К тому же никакие лохмотья не могли скрыть аристократического воспитания. Если понадобится, в нем мгновенно опознают человека из числа благородных, а у благородных, как известно, свои причуды. И, разумеется, никакому стражнику не придет в голову интересоваться, почему же господин знатного происхождения выглядит как нищий...

Городок оказался тихим и мирным. Местные жители занимались своими делами, не обращая внимания на незнакомца, шагающего по улицам.

Улочки в городке были узкими, дома преимущественно одноэтажными. Раз или два ему приходилось сворачивать в переулок, чтобы не попасть на глаза стражникам, которые здесь выглядели неотличимо от других жителей за исключением одной детали – короткой дубинки, привязанной к поясу. Несмотря на внешний вид, стража выглядела хорошо подготовленной.

Всю дорогу до городка Спитамен напрягал память. Как называлось это место? Когда-то он изучал науки (а еще фехтование, танцы и музыку), как это полагалось любому аристократу, но основным предметом географии, которая тоже входила в курс обязательных дисциплин, были наименования далеких стран и народов, материков и океанов. По странному стечению обстоятельств *та* география, которую он знал в общем-то неплохо, избегала упоминаний о близлежащих деревнях и городах. В голове крутились полузабытые наименования, однако Спитамен не был уверен ни в одном из них.

В какой-то момент в поисках пристанища, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя, Спитамен забрел на местный рынок. Здесь он обнаружил крепко сколоченные торговые ряды. Прогуливаясь вдоль лотков с товарами и поставленных задами телег, с которых местные крестьяне продавали выращенное на собственных огородах, Спитамен набрел на одинокий столик, стоящий в стороне от остальных. На этом столике не было товаров, зато лежала толстая тетрадь с наполовину исписанными мелким почерком страницами, а рядом стояла чернильница с торчащим в ней пером. Сидящий за столом человек не производил впечатления чиновника. Скорее он был похож на фермера или во всяком случае кого-то, кто проводит большую часть времени на открытом воздухе.

Когда Спитамен подошел, от столика как раз отходила молодая женщина в простом деревенском платье. На спине незнакомки находился огромных размеров горб, который Спитамен принял сначала за котомку с пожитками.

Из-за недуга походка женщины была однобокой, качающейся, вдобавок ей приходилось подволакивать одну ногу. Женщина пошаркала мимо Спитамена, даже не подняв глаз.

- Имя? – неожиданно спросил «чиновник».

Спитамен не сразу понял, что обращаются именно к нему.

- Твое имя? – повторил человек за столом, – Тебе работа нужна или нет?

Внезапно Спитамен понял. В Завораше на рынках, в порту и других людных местах можно было встретить тех, кто нанимал бедняков на различные работы. Иногда рабочие руки

требовались всего на час, иногда – на день, реже – на неделю или две. Работа была самой разной, но почти всегда тяжелой, грязной и малооплачиваемой: переноска грузов, чистка общественных туалетов или уборка улиц. Интересно, что собирался предложить ему этот малый?

Спитамен смотрел на занесенное над бумагой на перо. Внезапно сфера у него в кармане стала горячей. А потом...

Спитамен не спешит с ответом. Вместо этого он наблюдает, как капля чернил скапливается на кончике пера, падает и расплывается по листу огромной жирной каплей.

- А, черт... - недовольно бормочет чиновник.

- Аристо, – отвечает Спитамен, – Меня зовут Аристо.

Ему не предложили чистить выгребные ямы или таскать тяжести. Работа была на ферме в двух часах езды от этого городка. Почти сразу Спитамен узнал, что наняли не только его, но и горбунью. Ее звали Лидия, и что-то подсказывало Спитамену, что она была гораздо моложе, чем казалось.

За несколько первых дней на новом месте он ни обмолвился с нею ни словом. Впрочем, даже если бы у него была такая возможность, разговор вышел бы коротким: времени хватало лишь на небольшой отдых. Возможно, он мог бы подыскать другую работу. Однако после того, как капля чернил изуродовала страницу записей того клерка, вариантов осталось всего два: трудится на ферме или заниматься отловом бродячих животных. Ни за первую, ни за вторую работу не платили, однако работнику полагалось жилье и какое-никакое питание. В случае с отловом животных в обязанности входил еще сбор трупов уже почивших тварей: крыс, кошек и собак, поэтому этот вариант Спитамен отменил сразу. Не удивительно, что горбунья тоже выбрала работу на ферме.

Чиновник, в свою очередь, не слишком интересовался способностями тех, кого нанимал. Он просто сказал Спитамену куда идти, а сам занялся созерцанием чернильного пятна. Судя по его взгляду, что делать с испорченной страницей, он не знал. Так Спитамен оказался в хозяйстве, куда его доставила пара хмурых крестьян на запряженной парой истощённых тяжелозов телеге.

Ночевать Спитамену предложили в сарайчике позади дома. Как ни странно, никто не проявлял к прошлому Спитамена ни малейшего интереса. Он носил воду, колол дрова, собирал булыжники, из которых складывал ограду, отмечающую границы хозяйства. Работа была не то, чтобы тяжелой. Скорее, непривычной. Раньше его физическая активность сводилась к перемещениям от угла, где он просил милостыню до подворотни, в которой продавали наркотик. И казалось, мало что могло заставить его изменить распорядок... Однако недавние события: столкновение с модификантом в галантерейной лавке, массовая гибель людей на набережной, нападение кайранцев и, наконец, бегство без цели и смысла, перевернули не только представление Спитамена об окружающем мире, но и заново научили его ценить жизнь. Привыкнуть к новому распорядку оказалось гораздо проще, чем Спитамен себе представлял. Работы было достаточно, и похоже, он мог задержаться на новом месте дольше, чем планировал. По крайней мере, у него была крыша над головой, кое-какая еда и впервые за много лет – настоящее занятие.

А еще у него была сфера. Ее он спрятал в сарайчике, где спал, предварительно завернув в несколько слоев одежды. Сверток он засунул под гнилую половицу. Не ахти какой тайник, но все же лучше, чем ничего.

С горбуньей Спитамен почти не виделся. Она выполняла работу непосредственно в доме и там же жила. В те редкие моменты, когда ему самому приходилось оказываться неподалеку, он видел, как эта женщина усердно трудится, выбивая многочисленные ковры, таская корзины с бельем или ведра воды. Однако спустя какое-то время Спитамен заметил, что время от времени она оставляет работу и идет в амбар, находившийся в стороне от других построек. Это

случалось в основном после захода солнца. Однажды вечером, когда Лидия вновь отправилась в амбар, Спитамен решил пойти следом...

Воздух был пропитан запахом пыли и старого, плесневелого дерева. Под стропилами амбара, где свет проникал сквозь ржавые прорехи в древней кровле, удобно расположился Рашка.

В очередной раз он заглянул в щель между досками и увидел вдали фигуру, пересекающую поле. Паук мгновенно узнал того бродягу, что явился к нему в лавку недавно. Перед собой бродяга катил тележку на деревянных колесах. В тележке лежали камни разных форм и размеров.

Неожиданно в поле его зрения возникла еще одна фигура. Ее Рашка видел раньше – это была женщина с горбом на спине. Медленная, неуклюжая, она несколько раз приходила в амбар за кошкой. В те мгновения, что она находилась рядом, буквально в десятке шагов от Рашки, он чувствовал себя словно готовый сорваться с привязи пес... Однако женщина всегда уходила раньше, чем он успевал потерять контроль.

Горбунья приближалась к амбару. Тем временем Рашка вернулся к созерцанию поля вдалеке, однако бродяга уже ушел, толкая перед собой свою тележку.

- Кис-кис-кис, – послышалось внизу.

Наблюдая за женщиной, Рашка осторожно переместился с одной балки на другую. Если бы в этот момент горбунья подняла голову, она увидела бы нависшего над ней паука...

- Кис-кис-кис.

Рашка не понимал, почему женщина не уходит, ведь было понятно, что кошки в амбаре нет. Вместо этого горбунья осторожно прикрыла дверь амбара, а затем некоторое время смотрела сквозь щель в досках, словно для того, чтобы удостовериться, что за ней никто не идет.

Значит, поиски кошки были всего лишь предлогом. Рашке стало интересно, что будет дальше.

Удостоверившись, что слежки нет, горбунья направилась вглубь амбара. Сохраняя осторожность, паук переместился следом.

Женщина пересекла амбар. Ее походка была шаркающей, словно одна нога слушалась хуже. Последние несколько шагов горбунья подтягивала ее, загребая с земляного пола остатки позапрошлого года сена и засохшего мышинного помета.

Наконец женщина достигла противоположной стены амбара. Здесь и днем царил полумрак, а с приходом сумерек и вовсе повисла темнота, в которой трудно было что-либо различить. Впрочем, как оказалось, на этот случай у нее была припасена свеча. В очередной раз обернувшись, и удостоверившись, что за ней никто не следит, женщина несколько раз чиркнула спичкой, пока наконец внизу засиял крохотный огонек.

Горбунья водрузила свечу на пол в углу. Затем в ее руках появился некий предмет... С такого расстояния Рашке трудно было судить, что именно это было. Больше всего предмет напоминал гнилое яблоко. А еще почему-то вызвал ассоциации с чем-то давно мертвым. В воздухе разнесся хорошо различимый запах смерти.

Женщина водрузила шарообразный предмет на пол перед свечой, предварительно убрав в сторону солому. Затем наклонилась к нему и... заговорила.

Глава 10. Черная кровь ангелов

Кровь Тисонги была красной, точно такой же, как и у людей. За время служения практически Энсадум видел и обонял достаточно, чтобы сказать, что и по запаху она была точно такой же. Может, немного темнее, но уж точно не гуще. Когда Энсадум поворачивал банку, направляя ее к свету, кровь стекала по стеклу, оставляя на стенках полупрозрачную красную пленку.

Цвет был таким же, запах... До этого Энсадуму никогда не приходило в голову попробовать чью-то кровь на вкус. Он видел, как кураторы пили эссенцию, извлеченную из крови усопших. С ее помощью можно было получить воспоминания умершего человека.

Тисонга умер во сне. А до этого, на протяжении нескольких часов он рассказывал Энсадуму о Небесных городах. Все это время практик старался сделать так, чтобы ангел поменьше страдал: менял повязки, регулярно поил водой, которую вытапливал из собранного вокруг дома снега. Однако ангел умирал. В силах Энсадума было лишь облегчить его страдания, и то ненадолго: ангел всхлипывал, стонал от боли, захлебывался в кровавом кашле.

Похоже, они оказались не просто вдаль от Ахерона, но и бесконечно далеко от цивилизации вообще. Где тот шиван, что привез Энсадума сюда? Лодка бы им сейчас пригодилась. Или тот «проводник», приведший его к дому. Или компания нападавших, тех, что забрали его саквояж.... И наконец, как далеко торговый форпост, в котором ему еще недавно пытались перерезать горло? Последний мог располагаться на сколь угодно близком или далеком расстоянии: Энсадум все равно не смог бы протащить ангела на себе дальше, чем каких-нибудь два десятка метров.

Тисонга знал, что умирает. И он знал, что *умрет*. Именно в этот момент Энсадум осознал разницу между этими двумя вещами.

Именно тогда Энсадуму пришла в голову мысль, что он умирает вместе с ангелом. Он был человеком, трижды столкнувшись со смертью меньше чем за сутки. Кто-нибудь наверняка сказал бы, что смерть – в некотором смысле болезнь. А раз болезни заразны, то не могла ли к нему прилипнуть частичка смерти? Не стал ли он на шаг ближе к собственному концу? Кто знает? Кто вообще *мог* знать?

Кураторы не были вампирами. Они не пили кровь, чтобы насытиться. То, что называлось алхимией крови, не было религиозным ритуалом. Искусство кураторов имело больше общего с наукой, чем с философией или верой, хотя все, связанное со смертью, рано или поздно приводит к религии.

Наверное, если и существовал некий первоначальный замысел, по которому возводился Курсор, ныне он был неведом. Возможно, никто не планировал населять его воспоминаниями. «*Душами*», как говорили одни; «*думами*» - так говорили другие.

А правы наверняка были третьи, те, кто считал, что эссенция памяти – это нечто среднее между *думами* и *душами* тех, кому они принадлежали.

Кровь была ключом. Для одних этот ключ отпирает врата бессмертия, для других сам служил дверью, за которой находилась власть и богатство.

Кураторы не были орденом бедствующих монахов или безумными учеными, то и дело проводящими какие-нибудь странные эксперименты. Между тем кураторы не всегда были так влиятельны. Когда-то их вообще не существовало, как и практиков, а то, чем Энсадум занимался сейчас, сочли бы темным, непотребным ритуалом, а самого его – просто невеждой, вроде деревенского колдуна, ставящего компрессы из коровьей мочи. Иногда, думая об этом, Энсадум мысленно именовал себя «знахарем». Так, по его мнению, его называл бы тот, кто не имел ни малейшего представления ни о том, чем занимаются кураторы, ни о том, что входило в круг обязанностей их младших соратников – практиков.

Знахарь, вот кем он был. Когда воздух вокруг стал серым, а стены окрасились пепельным и черным, ведь приближался рассвет, он впервые попробовал кровь ангела на вкус.

Все было задумано так, что в Башню ремесленников сна можно было попасть только одним способом: по воздуху. Если ты недостаточно ловок в полете, то попытка покинуть Башню могла привести к печальным последствиям. Бывали случаи, когда стремящиеся покинуть башню ангелы камнем падали вниз и разбивались - в лучшем случае. В худшем они получали увечья: ломали кости или даже крылья, что автоматически исключало их из числа ангелов. Быть крылатым и не иметь возможности воспользоваться этими крыльями – вот что по настоящему унижительно.

В свои годы Кенобия уверенно держался в воздухе, превосходя других учеников в скорости и умении маневрировать. Даже его брат Тисонга, с которым они проводили все время, не поспевал за ним, когда дело касалось гонок. Другая область, где Кенобия был лучшим – это умение *хватателя* и уроки сна. Он не раз приносил из сна настоящие вещи. В основном это была мелочь: необычные камушки, раковины моллюсков, монеты... а один раз он принес даже небольшую золотую рыбку в ладонях, сложенных лодочкой. Рыбешку потом выпустили в один из бассейнов. В то же самое время Тисонга и другие ученики приносили из сна только ожоги да синяки.

Однажды Кенобия спросил Тисонгу, летал ли он когда-либо за край острова? Опускался ниже? Тема была запретной, так как с детства ангелов учили, будто внизу воздух отравлен, а под слоем облаков ничего нет. Поднырнуть под край острова было равносильно самоубийству: если не свалишься напрямиком в бездну, то наверняка погибнешь позже, наглотавшись смертельного яда. Поэтому в тот раз вопрос показался Тисонге странным, а брат вдруг рассмеялся: «ну ничего, сказал он, когда-нибудь и ты станешь достаточно смелым». Неизвестно почему, но сказанное задело Тисонгу не сразу, а лишь позже, когда он размышлял над словами брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.